

Галина
ПЕТРОВА-МАТИСА

Звезда, погасшая до срока

Галина Петрова-Матиса

**Звезда,
погасшая
до срока**

Рига, 2008

Посвящаю памяти моего мужа,
гроссмейстера Владимира Михайловича Петрова,
и родителей:
д-ра Лобовикова Николая Васильевича,
матери — Лобовиковой Александры Христофоровны,
а также всех остальных членов нашей семьи,
погибших в годы сталинских репрессий.

**Владимир Михайлович Петров
на шахматной Олимпиаде
в Варшаве. 1-й тур Латвия - Литва.
Август 1935 года.**

Предисловие

По долгу внуков

Папка, картонная, советского образца, с оторванными ленточками, через 7 лет после смерти бабушки, Галины Михайловны Петровой–Матис, была обнаружена нами случайно в стенном шкафу. Пролистав несколько страниц, я сразу понял, что это материалы той самой книги, о которой так много говорила бабушка.

309 листов машинописного текста были третьей копией и включали в себя партии, таблицы и пустые места для диаграмм, результат совместной работы бабушки с Андрисом Фриде, журналистом и сыном латвийского шахматиста того времени Яниса Фриде, благодаря которому сохранились многие партии Петрова.

Это были материалы о нашем дедушке, шахматисте Владимире Михайловиче Петрове. Если бы ситуация сложилась чуть иначе, то мы бы так и не узнали историю жизни, любви и трагического конца своего родного дедушки, не были бы в состоянии рассказать о нем своим детям и читателям.

О том, что бабушка и Фриде встречались на протяжении нескольких лет и работали над книгой, нам было известно, но что это за книга и о чем она, бабушка не рассказывала. Отвечала коротко: «О Петрове».

О репрессированном дедушке в советское время в нашей семье при детях не говорили, и все, что мы знали о нем, было на уровне подслушанных урывками разговоров во время редких застолий взрослых. Так, один раз я услышал, что дед «сгнил в застенках», и рассказал об этом своему однокласснику–пионеру. После этого он меня не раз шантажировал тем, что расскажет об этом в школе, хотя точно так же, как и я, не понимал, что скрывается за этим словосочетанием.

Единственное, что от нас не скрывалось, это то, что я назван в его честь — Владимиром, и что он был шахматистом. Был еще дедушкин берципфель, обещанный мне за хорошее поведение, два серебряных кубка и шкатулка с шахматами, инкрустированная янтарем. Но на видном месте они не стояли, а после того как шкатулка побывала у меня в руках, все реликвии вообще были спрятаны. Берципфель я так и не заслужил, даже будучи взрослым, и смог рассмотреть его только после смерти бабушки.

Ничего мы не знали и о маминых трудностях с учебой и работой.

К шахматам у меня в детские годы интерес проявлялся, но так как ребенком я был неусидчивым, хулиганистым, довольно быстро их забросил, на уровне игры е4–е5 до мата или если совсем не повезет пата. Только после 25 лет я проникся по–настоящему любовью к этой замечательной игре. А тогда важнее было играть быстро (да и получалось так более результативно, видно, передалась любовь дедушки к блицам), потому что за углом стояли друзья–охламоны, нас ждала улица и приключения. Даже во время школьных командных городских соревнований на улице Смильшу, а я играл за первым столиком как лучший игрок школы (все–таки мне подсознательно нравилось участвовать в турнирах), шахматы стояли на втором месте. А на первом были пробки, вернее, все то, что связано с выкручиванием электрических пробок. Ох как не повезло жителям Старой Риги, что я именно в то время нашел ключ для открывания электрических ящиков.

Изучив содержимое папки, мы поняли, что информация о любви дедушки к шахматам неполная: мало партий латвийских чемпионатов, турниров, проходивших в СССР, а главное — неизвестны последние годы жизни дедушки. Дополнительную информацию мы получили через Интернет: нашли несколько малоизвестных партий дедушки, не входящих в общую шахматную базу, одна из них с уроженцем Вены Фазекасом, выступающим за Великобританию, несколько фотографий дедушки с Международного турнира в Маргете (Англия), партии с комментариями с XXII чемпионата СССР. Но главная находка — это статьи журналиста и публициста Сергея Воронкова, благодаря которому бабушка встретила с чешским писателем Миреком, последним видевшим дедушку на Лубянке. Из них я и узнал, что книга латвийского журналиста Андриса Фриде и бабушки была сдана в редакцию журнала «Физкультура и спорт» еще в 1990 году. И что она наполовину была готова к изданию, но книга свет не увидела. Половина этой рукописи в настоящее время хранится у Воронкова в архиве, и он очень сожалеет, что эта интересная информация до сих пор не обнаружена.

Каково же было наше удивление узнать, что книга все же издана в Америке, на английском языке и под авторством только Фриде. Называется она довольно странно: «Владимирс Петровс. История шахматиста от величия до ГУЛАГа». То, что автор — Фриде, вначале не уменьшило нашей радости, все же что-то издано о дедушке, хоть и не на русском языке. Но прочитав полученную по почте книгу, мы расстроились. Да, это та же книга, без соавторства с бабушкой, с нашими семейными фотографиями. Жаль, что некоторые из них, как и оригиналы писем дедушки, остались у Фриде. Выпущена книга в 2004 году, уже после смерти бабушки. У нас появилось законное желание восстановить справедливость и выпустить книгу на русском языке, под авторством бабушки — Г. М. Петровой—Матис.

...И вот все тексты набраны, папка полностью переведена в электронный вид, с таблицами, диаграммами, фотографиями. Но бабушкиных личных воспоминаний оказалось, на наш взгляд, в книге Фриде слишком мало, да и упоминаний о ней как о вдове Петрова — раз-два и обчелся. Поэтому мы решили собрать воедино из разных источников и еще раз пересмотреть все бабушкины воспоминания. Хорошо, что во время становления моего почерка я брал правописание нескольких букв у бабушки, это облегчило задачу разбора ее «каракуль». В большинстве своем это были вопросы по книге в виде коротких предложений, видимо, план работы — о чем еще написать, чего не упустить.

К примеру, несколько записей, так и оставшихся на уровне одного предложения (спросить и тем самым дополнить эту информацию уже не у кого):

— Стейница считал самым гениальным.

— Из СССР привез коробочку палеки и кольцо с бриллиантом.

— Круминь, единственно кто хлопотал...

— В Горьком встреча с Дием (мой крестный, Дий Назарович Дмитриев. — В. Д.). Когда Володя говорил о нас, глаза были полны слез — он очень переживал за меня и Марину.

— Первый Новый год совместной жизни Володя захотел провести вдвоем. Уехали в Щедрово. Елка в лесу...

— В партии с Томасом читал письмо, попал в цейтнот.

— Ничего не понимая в шахматах, я знала: Володя расстраивался, когда партию начинал черными. Означает ли это, что он черными играл слабее?

Бабушка писала: «Вклинить мои воспоминания о Петрове в текст Фриде, который пишет о развитии шахмат в Латвии, никак нельзя будет. Мои воспоминания чисто личные, возможно, много эмоций и лирики. И как будет называться книга? Шахматная жизнь Латвии? Развитие шахмат в Латвии? Я назову — «Звезда, погасшая до срока» — памяти моего мужа В. М. Петрова».

Так или иначе, но от издания за свои деньги толстенной книги, посвященной шахматной жизни дедушки, которая уже была выпущена и имеет «своего» автора, мы отказались, полностью переключившись на бабушкины воспоминания.

Что делать с оставшимися материалами шахматного характера? Время покажет. Даже если они будут изданы на испанском языке, неважно, будет брошен еще один камень в стену забвения, стену, которая уже в трещинах и которая вот-вот рухнет. Останавливаться на достигнутом мы не собираемся. Первый шаг сделан, жаль только, что не при жизни бабушки. Следующим шагом будет издание книги о русском шахматисте из Латвии на его родном языке. Тем более что в 2008 году — 27 сентября — нашему дедушке исполнилось 100 лет со дня рождения.

Спасибо судьбе и всем тем, кто помогал в создании данной книги. Благодаря работе над ней мы восполнили, хоть и частично, непростительный пробел в истории нашей семьи. Мы словно посмотрели своему деду в глаза. В 1942 году с одним из шахматистов в Ригу дедушка отправил свою последнюю фотографию и на словах передал следующее: «Мне, чувствую, семьи уже не видать, пусть хоть с фотографии последний раз посмотрю на жену с дочкой...» Дедушка, ты посмотрел не только на жену и дочку, ты посмотрел на своих внуков и правнуков.

Спасибо Вам, дедушка и бабушка. Вечная Вам память!

Владимир Дедков, Ольга Сорокина.

«Гори, гори, моя звезда...»

«Умру ли я, ты над могилою гори, гори, моя звезда». Думал ли когда-нибудь Владимир Михайлович Петров, что эти слова будут относиться к нему после гибели в августе 1943 года в одном из лагерей архипелага ГУЛАГ? Погиб он в возрасте 35 лет, в самом расцвете физических и творческих сил.

Романс «Гори, гори, моя звезда...» муж очень любил. Часто его напевал, слушал в грамзаписи, наигрывал на фортепиано. Помню, как-то он мне сказал: «Какие замечательные, проникновенные слова». Может быть, к ним его вновь и вновь возвращало предчувствие своей судьбы?

По просьбе мужа попыталась разузнать автора, но выяснила только, что музыка романа — Булахова, а слова неизвестного автора, хотя они приписывались и Гумилеву, и Бунину, и даже Колчаку... Много позднее я узнала, что на самом деле автор слов — студент Московского университета, юрист Владимир Чуевский. Романс не сразу стал популярным, а только в годы Первой мировой благодаря аранжировке талантливого певца Владимира Сабинина, добровольца действующей армии. Сабинин сделал из романа настоящий патриотический гимн, признание в любви единственной заветной звезде — России. В 1915 году вышла пластинка с сабининской записью романа — и его запела вся страна! А вскоре романс постигла судьба многих истинных шедевров: его окрестили «народным». У Петрова была записная книжка, куда он записывал высказывания, мысли, замечания, изречения известных шахматистов. В этой книжке на первой странице были записаны слова упомянутого романа, что часто вызывало мое удивление. Но на вопрос, какое отношение эти слова имеют к заметкам о шахматах, муж ни разу мне объяснения не дал.

До посмертной реабилитации в марте 1989 года имя Петрова было полностью предано забвению, было вычеркнуто из шахматной жизни не только в СССР, но и в Латвии, несмотря на то что он был первым латвийским гроссмейстером и до 1940 года защищал цвета республики на всех шахматных олимпиадах и международных турнирах. Для Родины он больше не существовал. Он был врагом народа.

Только за границей изредка появлялись статьи о «выдающемся шахматисте», печатались и анализировались его партии, писались воспоминания шахматистов о встречах с Петровым и высказывались всевозможные предположения и догадки о его судьбе. Никто ничего не знал, человек бесследно исчез. Расспрашивали и меня, но я тоже ничего не знала о судьбе мужа. Наконец после бесконечных поисков и обращений в соответствующие инстанции мне удалось узнать, что В. М. Петров был арестован в Москве в августе 1942 года, осужден на 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) за антисоветскую агитацию и пропаганду и скончался, отбывая наказание. Где, когда и от чего погиб муж — указано не было. Чтобы получить эти сведения, потребовались десятилетия. В посмертной его реабилитации мне несколько раз было отказано. Но она была необходима, и не только мне. Я не теряла надежду, что о гроссмейстере Петрове вновь заговорят, отдадут должное его шахматному таланту и вновь засияет звезда над его и по сей день неизвестной могилой. И действительно, после реабилитации 1989 года о Петрове стали понемногу вспоминать.

«Первая любовь»

Владимир Михайлович Петров родился 27 сентября 1908 года в Риге. Русский по национальности, коренной рижанин. Рижанами были и родители Петрова. Отец — Михаил Тихонович Петров, родился в 1872 году. Мать — Анастасия Парфеновна Петрова, урожденная Гроздякова. У отца в Риге была небольшая сапожная мастерская на ул. Авоту, там же при ней был маленький обувной магазинчик. Мать — домохозяйка. В семье трое детей. Старшая дочь Зинаида, потом следовала дочь Наталия и сын Владимир — гордость и баловень семьи. Семья Петровых снимала 4-комнатную квартиру на улице Матиса, 64а, квартира 4, недалеко от мастерской.

В 1919 году Владимир Петров поступил в рижскую русскую среднюю школу, неофициально именуемую Ломоносовской гимназией, т. к. до эвакуации 1915 г. в этих помещениях находилась Ломоносовская женская гимназия. В школе Петров учился неплохо, но особые успехи проявлял только по тем предметам, которые совпадали с его интересами, — как, например, история, что стала позже его большим увлечением.

Первым увлечением Петрова был футбол. Шустрый, быстрый, изобретательный, умеющий «играть головой», — он был прирожденным футболистом. Команда Ломоносовской гимназии считалась одной из сильнейших среди латвийских школ, и вскоре Владимир, несмотря на большую конкуренцию, стал нападающим

Друзья-ломоносовцы: Владимир Берзиньш, Андрей Перехвальский, Сергей Карцев, Владимир Кнох и Владимир Петров.

в сборной. Тренером школьной команды на общественных началах был в то время знаменитый многократный чемпион Латвии — Редлих. Вместе с Петровым в команде играл и Владимир Берзиньш. Оба Владимира достигли в футболе хороших результатов. В дальнейшем Берзиньш, выбрав футбол, стал многократным чемпионом Латвии, а Петров свое призвание нашел в шахматах, но свою «первую любовь» он не забывал и будучи гроссмейстером.

Если верить воспоминаниям очевидцев, то шахматами Петров увлекся совершенно случайно, когда совсем надоело играть в карты. Одним из любимых времяпрепровождений гимназистов было «резаться в золото». Но в один прекрасный вечер, когда карты осточертели, под руку попала доска с фигурами. Кто знает, если бы не эта случайность, может быть, сейчас мы вели разговор о выдающемся футболисте. Между прочим, Петров был одним из лучших нападающих футбольных команд спортивного общества «Union» и студенческой корпорации «Rutenia».

Молодой призер, 1924 год.

Новое увлечение, ставшее главным

В шахматы Петров начал играть, по сегодняшним меркам, довольно поздно — в 13-летнем возрасте (в 1921 году). С правилами игры своих одноклассников познакомил Виктор фон Розенберг. И как это часто бывает, скоро «ученик побеждает учителя» — как написал Владимир под своей первой шахматной фотографией 1923 года. Друг Петрова — Владимир Кнох вспоминал, как после нескольких «уроков» Петров вызвал Розенберга «на дуэль» из ста партий. Матч длился несколько месяцев. Сначала Петров проигрывал одну партию за другой, и счет стал довольно сокрушительным в пользу учителя. Но вторую половину поединка и весь матч Петров все же выиграл, правда, с минимальным преимуществом. Уже тогда просматривалось умение Петрова «усваивать все на лету».

Апрель 1924 года стал решающим в жизни 15-летнего юноши. В то время круг интересов Владимира был весьма обширен. В этот год Петров стал чемпионом среди школ Латвии в составе футбольной команды Ломоносовской гимназии. Можно сказать, что первый раз Владимир объездил всю Латвию как футболист, а уже второй — как шахматист. Тогда же он увлекся теннисом. Но выбрать шахматы важнейшим занятием жизни его «заставили» два обстоятельства. Одно из них — это приз за первое место в побочном турнире на I Латвийском шахматном конгрессе в размере 100 латов, что в то время, особенно для школьника, было большими деньгами. В своей груп-

пе Владимир победил убедительно — 100%. Беспроеигрышно он прошел и финал, и за победу получил 1-ю категорию и право на II Латвийском шахматном конгрессе оспаривать титул национального мастера. Но главная причина, побудившая Петрова после конгресса самым серьезным образом посвятить себя шахматам, — это предвидение Матисонса. Всем известно, что первый латвийский мастер был непревзойденным этюдником и знатоком эндшпиля. Вручая Петрову приз за первое место, он отметил окончание одной из партий Петрова и предсказал юному шахматисту большое будущее, при условии, что в основу всего будет заложена серьезная, упорная работа. А на похвалы Матисонс всегда был очень скуп.

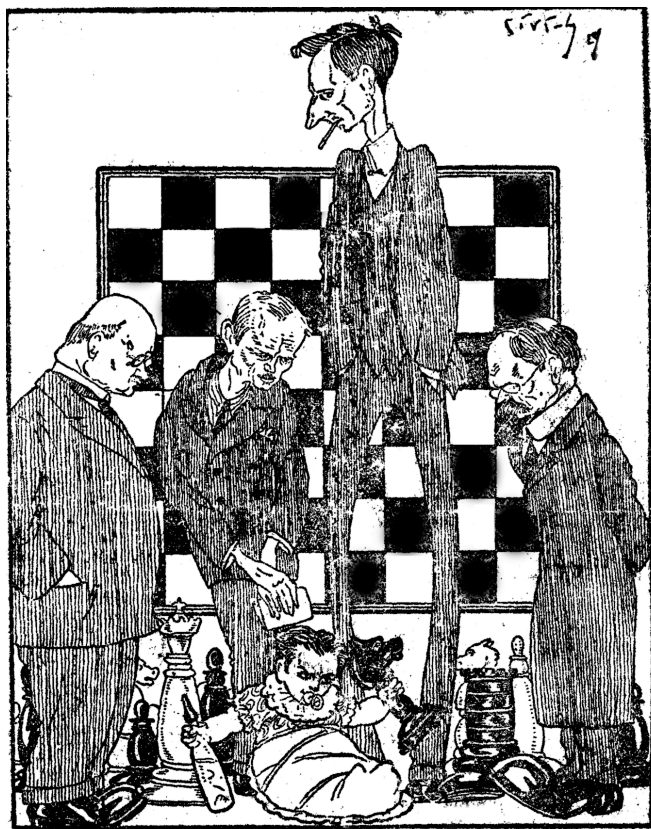
Не прошло и трех лет, как любимым занятием Петрова стали шахматы и ему уже присвоили 1-ю категорию. «Как приятно пахнет труп врага!» — это одно из любимых изречений юного Петрова, в случаях, когда противник уже проигрывал партию, а сам этого еще не осознавал.

В 1925 году Владимир окончил рижскую русскую среднюю школу и поступил

на юридический факультет ЛУ. Уже с первых дней он активно участвовал в шахматной жизни университета. Увлечение шахматами требовало уйму времени, поэтому университет он посещал как свободный слушатель. Да и позже из-за шахмат учеба на юридическом факультете значительно затянулась.

1926 год стал звездным годом Петрова. Он занял первые места на I Первенстве Риги и Первенстве Латвийского шахматного клуба. И к концу 1926 года Владимир Петров стал одним из сильнейших шахматистов Латвии.

В том же году он стал полноправным студентом и пробыл в этом статусе 15 лет. Виною тому служило немало обстоятельств. Во-первых — частые поездки на соревнования и турниры. Во-вторых — материальное положение заставляло Петрова работать

**Шарж Сергея Цивиса-Цивинскиса,
опубликованный в газете «Сегодня»,
апрель 1924 года.**

” **=====**
*15-летний
Володин
стаж студента
мы отпраздновали.
Я его стыдила.
Государственные
экзамены
он сдавал
легко,
особенно
даже не помню,
чтобы занимался.
Я же зубрила
основательно.*

===== ”

во время учебы (он был служащим в железнодорожном управлении с заработком 70–80 латов). Целый год заняла обязательная военная служба, и в придачу к этому время от времени делались отсрочки по состоянию здоровья, надо было лечить легкие. Кажется невероятным: крепыш, любящий активный спорт, — и туберкулез. Но когда Петров осенью 1937 года комиссовался из армии по состоянию здоровья — обострился процесс туберкулеза, — мало кто ведал, что это сущая правда. Многие считали, что Петров досрочно закончил службу в армии из-за шахматных успехов.

IV Турнир Наций, который проходил в Праге в 1931 году, стал своего рода поворотным пунктом в шахматной карьере 22-летнего юноши. Он показал лучший индивидуальный результат за 3-м столиком, и наконец-то его заметила и заграничная пресса. Если после Олимпиады в

Гааге Петров остался неизвестен, то уже после Гамбургской олимпиады его причислили к подающим надежду молодым шахматистам. После Праги, если приравнивать к сегодняшним квалификационным меркам, Петров получил титул международного мастера, но чтобы достичь права играть в международных турнирах с участием гроссмейстеров, необходимо было достичь определенных результатов хотя бы за 2-м столиком.

Начиная со II Олимпиады шахматисты Латвии принимали участие в семи олимпиадах FIDE, и Петров был участником всех последующих довоенных турниров на Кубок Наций. Вначале Петрову необходимо было преодолевать квалификационный барьер, но в дальнейшем его как сильнейшего шахматиста Латвии зачисляли в состав команды вне конкурса. До Олимпиады в Варшаве 1935 года оставался только вопрос, за каким столиком он будет играть.

На Турнире Наций 1930 года в Гамбурге имена своих конкретных соперников шахматисты узнавали незадолго до начала очередного тура. На первых трех олимпиадах размещением игроков за столиками перед каждым матчем занимался капитан команды, им был долгие годы Фрицис Апшениекс — 2-й латвийский мастер. В таких условиях должен был проявить высочайшие способности дипломата и тактика, ведь неудачное размещение играющих могло стать причиной проигранного матча. В связи с этим появились первые разногласия между Апшениексом и Петровым. Перед матчем с командой Франции была известна дислокация противника — чемпион мира Александр Алехин на олимпиадах всегда играл только за первым столиком.

«...Многие спросят, почему с Алехиным играл Арвид Таубе, а не Апшениекс или Петров? Петров очень хотел сразиться с Алехиным, но капитан команды мало того что не дал ему помериться силами с чемпионом мира, но и сам не использовал редкую возможность», — задавала вопросы в воздух пресса того периода.

Матч Латвия — Франция (последний тур на олимпиаде) закончился вничью — 2:2, и Алехин, конечно, свою партию выиграл. Петров в этом конкретном поступке Апшениекса усмотрел личную обиду и после возвращения с олимпиады не раз публично критиковал капитана латвийской сборной за ошибочную тактику. Апшениекс, в свою очередь, в долгу не остался... Свою роль сыграла и последняя бессонная ночь латвийских шахматистов. По расчетам Апшениекса не хватило средств, чтобы провести последнюю ночь в гостинице, и нашим шахматистам пришлось ее проводить в сквере на скамейках. Как позже выяснилось, Апшениекс в своих расчетах ошибся и преподнес по возвращении данный случай как курьез. Три года для Володи игра за первым столиком на олимпиадах оставалась лишь мечтой. Мечтой заветной...

Но вот появился момент, не исключено, что заранее спланированный и хладнокровно осуществленный Петровым, по решению этого вопроса. После I чемпионата Латвии 1933 года имя чемпиона должен был определить дополнительный матч, так как у Апшениекса и Петрова было одинаковое количество очков. Петров прессе еще раньше сообщал, что в таком матче он участвовать не будет. Поэтому мастерам пришлось этот вопрос решать путем дружеского компромисса: Петров отказывается от чемпионского титула в пользу Апшениекса, а за это получает право представлять Латвию за первым столиком во всех официальных соревнованиях. Итак, Апшениекс получил чемпионскую премию, честь и славу, а Петров таким образом осуществил свою

**Владимир
Михайлович
Петров -
корпорант
Rutenii.**

сокровенную мечту играть за первым столиком на олимпиадах. Но это произойдет только через два года, на Олимпиаде 1935 года в Варшаве.

Везет как Петьке!

Друзья считали Владимира удачником, и он этим в меру гордился и свое везение перепроверял при каждом удобном случае. «Ведь каждому везет столько, сколько он этого заслужил», — любил повторять он. «Везет как Петьке!» — такая поговорка была в обиходе у друзей будущего гроссмейстера. Прозвище «Петька» — производное от фамилии, чтобы «не путать» четырех друзей—одноклассников — Владимира Свистуненко, Владимира Берзиньша, Владимира Гермеира (Кноха) и Владимира Петрова.

Сейчас, перелистывая страницу за страницей книгу прожитой жизни и подводя итоги всему, что в моей судьбе связано с семьей Петровых, прихожу к выводу, что над ними всеми тяготел какой-то злой рок, который и меня поверг в пучину и исковеркал не только мою жизнь, но и жизнь моей дочери — Марины.

Вся семья Петровых трагично закончила свою жизнь... Старшая дочь Зинаида была замужем за железнодорожником в Даугавпилсе Гарри Полени. Он скончался в 1929 году. В Латвии в то время был экономический кризис. Работу получить было трудно, и многие направились на заработки в Бразилию, т. к. туда не требовалось въездной визы, и там образовалась целая колония из жителей и граждан Латвии. Среди них была и сестра Владимира. По словам мужа, она была очень энергичная, предприимчивая, практичная и умная женщина. Зинаида оставила свою маленькую дочь Татьяну с родителями в Риге, в Бразилии сумела основать собственное предприятие и в 1932 году вызвала туда родителей и дочь. Жизнь старшей сестры оборвалась трагично. Ее зарубил топором какой-то молодой парень (кажется, работник предприятия) с целью грабежа кассы, за которой в тот момент сидела Зинаида.

В 1934 году умерла и мать. После операции аппендицита неожиданно погас свет, врачом была допущена какая-то неточность, и она скончалась на операционном столе. Когда я познакомилась с Петровым, он на своем корпорантском декеле еще носил траурную ленточку. В 1935 году Владимир Михайлович, будучи уже достаточно известным шахматистом, выписал отца и племянницу в Ригу, у правительства он сумел выхлопотать разрешение переправить в Ригу принадлежавшую родным большую красивую машину, на которой затем работал муж сестры Наташи, ставший в 1941 году жертвой сталинских репрессий и скончавшийся в тюрьме (бывший офицер белой армии Федор Шмидт).

Выдержки из письма Владимира Петрова отцу и родным в Бразилию. Рига, 21 сентября 1935 года, накануне их возвращения в Ригу:

«Из Варшавы не мог ничего особенно длинного написать, т. к. не было времени, ибо был, кроме игры за первой доской, капитаном команды Латвии, со всеми вытекающими... Результатом я лично недоволен, хотя другие довольны как моими, так и результатами нашей команды, занявшей 9-е место в турнире из 20 команд. Я выиграл 7 партий, 7 сыграл вничью и 5 проиграл. Между прочим, я выиграл у чемпиона Южной Америки — Грау, который является, конечно,

лучшим игроком Аргентины. Всего я сделал 10,5 пунктов из 18 возможных, и ни разу не удалось отдохнуть... Правда, я надеялся сделать 14–15 пунктов, вот почему я недоволен. Напрасно проиграл ничейную партию Алехину, зря проиграл и Флору и американцу Файну, предлагавшему мне ничью. Кроме этих трех партий я еще проиграл явно лучшую партию для меня — Кересу, чемпиону Эстонии, между прочим, очень молодому — 19 лет — и талантливому игроку. Это было несчастье... Хорошо у меня выиграл только Стейнер из Венгрии. Я свои партии выиграл без везения — хорошо!

Из Варшавы приехал 2 сентября. Красивый город. Жили мы в лучшем районе — на аллее Уяздовских, где расположены красивейшие парки дворца Бельведер и все сплошная зелень. Там же рядом Маршалковская, главная улица Варшавы. Играли в официальном казино на углу Уяздовской и Сухой. Возможно, что в октябре поеду в Финляндию на турнир. На работе ничего к лучшему не изменилось. Это скверно...

Думаю в этом году кончать университет и серьезно учиться. На прошлой неделе был у нас в гостях в Риге Алехин — чемпион мира. Давал сеансы одновременной игры. Я был его «гидом» до известной степени и, понятно, за прошлую неделю порядочно устал. Да, забыл сказать — последние дни в Варшаве схватил сильный насморк и даже грипп, который мучил меня еще и в Латвии. Последние партии — с Тартаковым и Грюнфельдом (Австрия), которые обе свел вничью, играл с температурой 38,4. Я бы с громадным удовольствием поехал Тебя встречать в Бордо, папа, но денег нет. Одна виза стоит вместе с загранпаспортом около 40 латов. Поездка в Варшаву тоже много стоила, хоть все и было оплачено, и даже Латвийский шахматный союз дал 30 латов карманных денег, но все же и свои ушли...

Как-то после войны, когда уже стало известно, что Петров осужден, в одном из латвийских шахматных журналов появилась не совсем лестная заметка, в которой, между прочим, сообщалось, что Петров происходил из белогвардейской эмигрантской семьи. Это совершенно не соответствует действительности. Вот как доказывался безнадежный упадок шахматной жизни в довоенной Латвии в советской шахматной периодике, а точнее журнале «Šahs»:

«Мастера не чувствовали ответственность перед обществом, их удерживало только желание сохранить свою «добрую славу», чтобы не потерять партнеров для игры на деньги.

Яркий тому пример жизнь мастера Петрова. Выходец из семьи русских белоэмигрантов (знакомый прием — Алехина уже в 1940 году советская пресса назвала белогвардейцем), не только образованный и одаренный, но и энергичный по натуре, Петров при других обстоятельствах смог бы стать сильной личностью и выдающимся гроссмейстером. Он понял причины упадка созидательной мысли западной шахматной школы и поэтому внимательно изучал советские журналы «Шахматы в СССР»...

Начиная с неофициального матча с австрийским гроссмейстером Шпильманом успехи Петрова последовали один за другим. Это вскружило ему голову, и его зазнайство и эгоизм, и до этого присущие ему не в меру, начали переходить все границы. Скандальное поведение с выпивкой и карточной игрой на деньги, невозвращение долгов Петров начал считать своей привилегией.

Мировоззрение Петрова создавалось в духе «лучшего общества» буржуазной Латвии в прямом соответствии вражде к простому народу. Поэтому установление советской власти в Латвии в 1940 году для него стало неприятным сюрпризом» — и т. д. и т. п.

Друг и соученик Петрова Карцев С. В. написал в редакцию опровержение, на что оттуда (после собранной информации) пришло неофициальное извинение за опубликованные ложные сведения. Правда, об опровержении этой статьи и речи не шло. Заметку эту писал, как я потом выяснила, хорошо знавший Петрова латвийский шахматист Межгайлис. Какую цель он преследовал, для чего и кому это было нужно — для меня остается загадкой.

Трагически, в полном одиночестве закончилась жизнь отца Петрова. Когда я после длительного отсутствия с дочерью вернулась в 1945 году в Ригу, моя квартира была уже занята работниками МВД, а в квартире Петровых дверь на мои звонки никто не открывал. С помощью дворника квартиру открыли — от невозможного запаха пришлось зажать нос, закружилась голова. В комнате без сознания лежал несчастный умирающий старик, он буквально сгнил от гангрены ноги. Сколько времени он так один пролежал — никому неизвестно. Сразу же отправили в 1-ю городскую больницу. Наутро, когда я к нему прибежала, его уже не было в живых. Я совсем растерялась — ни советских денег, ни советского паспорта и вообще ничего у меня не было. Я не знала, к кому обратиться, кто из друзей в Риге. Как хоронить? В больнице предложили захоронить в общей могиле. Спасибо дворнику, которого знала много лет, — он помог кое-что из вещей Петрова продать и купить гроб.

Хоронили дедушку вдвоем с дочуркой, гроб некому было нести. Я вышла за ворота кладбища и попросила мимо проходящих троих молодых людей донести гроб из церкви до могилы. Они, видно, сжалились надо мной и безвозмездно выполнили просьбу. Так был похоронен отец гроссмейстера Владимира Петрова. Его могилы, так же как и могилы Наташи, больше нет. Через ту часть Покровского кладбища проложено шоссе.

Сестра Наташа во время немецкой оккупации, выписываясь из больницы после операции аппендицита и одеваясь на моих глазах за смертью упала из-за случившегося гробом.

Предсказания, в которые не хотелось верить

Прослеживая жизнь гроссмейстера Петрова и перелистывая страницы начатой мною книги о нем, не могу не сказать о том, что его судьбу предсказал в свое время очень известный в Риге и за рубежом ясновидящий Финк. Уезжая в Аргентину, муж зашел в его фотоателье сделать фотографию для журнала «Атпута». Когда он уходил, Финк сказал, что в кармане у Петрова лежит фотография молодой женщины с ребенком на руках, с которой он расстанется, если поедет в дальнюю дорогу, и больше никогда не встретится. Увы, предсказание Финка сбылось, он ошибся только на несколько месяцев.

Второе предсказание Петрову было сделано японским астрологом на пароходе «Пириаполис», который вез европейских шахматистов на Олимпиаду в Аргентину.

Он сказал: «Твоя звезда очень ярко возшла, но скоро погаснет!» Петров верил только первой половине предсказания.

Так пусть же она не меркнет хотя бы над его безымянной могилой.

Самая большая атака

Познакомилась я со своим будущим мужем в Гамбурге у своего дяди — Пунга Германа Андреевича, где он был в то время латвийским консулом. Я была студенткой филологического факультета ЛУ и членом русской женской корпорации «Sosoritas Tatiana», Петров — студентом юридического, уже известным шахматистом и корпорантом «Rutenia».

По каким делам Петров приехал в Гамбург, я теперь не помню, и установить это так и не удалось. Первое впечатление о нем у меня осталось как об очень жизнерадостном, веселом, легко со всеми контактирующем человеке, который сразу умел к себе расположить окружающих. Мне очень понравилась его улыбка, какая-то добрая, задорная, обнажавшая белые красивые зубы, которым я позже всегда завидовала, и не раз говорила, что он нарочно так часто улыбается, чтобы блеснуть своими зубами. Причем когда он улыбался или смеялся, то на носу появлялись мелкие симпатичные морщинки (их, кстати, унаследовала и наша дочь).

В Гамбурге Петров пробыл несколько дней и уехал в Ригу, а я еще оставалась погостить. От него я получила несколько писем, в одном из них он написал, что у него был сеанс одновременной игры в Резекне и он зашел познакомиться с моими родителями. Позже он признался, что специально устроил эти сеансы, чтобы с ними поговорить обо мне и чтобы, как он смеясь говорил, «закинуть удочку».

«Ты забыла, что я шахматист. Каждый мой шаг был продуман, — признавался он. — Самая моя большая атака — это была атака на Тебя!»

Когда я вернулась в Ригу к началу занятий, встречи с Петровым возобновились. Встречались в университете, на балах, в корпорациях. Петров был красивым мужчиной. Темно-каштановые, слегка выющиеся волосы, большие серые широко расставленные глаза, густые дугообразные брови и длинные, вверх загнутые ресницы. Он был широкоплечий, коренастый, оставлял впечатление здорового, крепкого человека.

На улицах довоенной Риги...

Когда он сидел, могло казаться, что это высокий, крупный мужчина. Но это было не так. Он был маленького роста и очень из-за этого переживал, и, откровенно говоря, мне это в начале нашего знакомства не нравилось. Когда я была уже замужем, из-за этого, как он говорил, «неудавшегося ростика» он меня убедительно просил отказаться от моих высоченных и таких мною любимых каблукчиков.

Культурные игры вдвоем

Встречаться с ним мне было очень интересно. Он был прекрасным рассказчиком, особенно в компании. Мы все от души хохотали над его «охотничьими» рассказами.

— Ну, Петька (так его называли друзья), опять заврался, — но он клялся и божился, что все в действительности так и было, как он рассказывает. Владимир был разносторонне образован. Он хорошо знал литературу, живо интересовался историей (посещал со мной лекции и очень любил проверять мои знания). Я часто перед ним пасовала. Память у него была феноменальная. Помню, я сдавала экзамен по истории Египта и никак не могла запомнить всех этих бесчисленных фараонов и их династии, а он, прочитав несколько раз, «сыпал как из рога изобилия» всеми именами, годами, веками и всякими подробностями, которые я не могла зазубрить.

Петров был достаточно музыкален. Так как я в то время также училась в консерватории по классу фортепиано, то и в этой области интересы совпадали. Меня поражало, как быстро Петров расставляет шахматные фигуры на доске. «Ты мог бы хорошо играть на рояле, у тебя была бы хорошая техника», — подшучивала я. Хотя рука у него была совсем не музыкальная: большая, широкая, пальцы крепкие, плотные, недостаточно длинные. Угнаться в расставлении фигур за ним я не могла. У нас даже была такая игра — кто скорее, и я всегда проигрывала. А он, смеясь, заставлял меня показывать свою технику на рояле. Только недавно из воспоминаний школьных друзей я узнала, что он играл в каком-то оркестре на танцах, этим подрабатывая. Мне об этом он никогда не рассказывал.

У Володи был очень красивый, четкий, ровный почерк, в отличие от моего неразборчивого, прыгающего. Володя часто мне выговаривал после долгого бесполезного анализа моих каракуль: «Ради бога, пиши разборчивей, я должен лупу брать и долго разбирать твои каракули». Помню, я как-то сказала, что и сама не могу разобрать, что я там написала. Над этим Володя искренне и добродушно смеялся. Как писали газеты тех лет, почерк оставался ровным и в трудные моменты шахматных партий: «Графология не является обязательным предметом для шахматистов, но все же они на основании почерка могут вывести некоторые заключения. Рука у «третьего шахматиста Латвии» Петрова никогда не дрожит, он не волнуется и в самые критические моменты записывает ходы ровным, почти каллиграфическим почерком. У многих шахматистов буквы в тяжелые моменты начинают прыгать, и разобрать их записи почти невозможно». Если судить по почерку — то характеры у нас должны были быть очень разными. С одной стороны, это так, с другой — у нас было очень много общего. Жизнерадостность, стремление к общению с людьми, с которыми легко контактировали, любовь к обществу.

В то время жизнь в Риге была ключом. Я главным образом вращалась среди русской интеллигенции и студенчества. Устраивали Дни русской культуры, певческие праздники.

Тесная связь была с Театром русской драмы, который в те годы блистал великолепными актерами (Ведригская — «Ведрисочка», Мельникова, Булатов, Барабанов, Юровский, Бунгуп и др.). Приезжали из-за рубежа знаменитые артисты, в том числе и из Советского Союза. Вместе с Петровым были на концерте Шаляпина, который он давал в зале Латвийского университета. На гастроли в Опере мы не попали, т. к. билеты были безумно дорогие, а контрамарок Шаляпин даже студентам консерватории не выдал. Старались посетить все гастроли советских артистов. Приезжали Барсова, Собинова, Мажанова (от которой как я, так и Петров были в восторге). Гастролировали корифеи балета: Виктория Кригер, Асаф Мессер, Чебуниани—Вечеслова. Видели и знаменитого Отелло — Папазяна. В общем, «Маленький Париж» — так в то время называли Ригу.

Наивные детские шутки

Особенно в памяти остались русские студенческие Татьянинские балы. В их устройстве деятельное участие принимали корпорации. Мы, все корпорантки, должны были быть в белых длинных платьях, длинных лайковых перчатках. Студенты — во фраках и тоже в белых перчатках. Бал открывался полонезом, которым

***На главном
событии
студенческого
1936 года -
Татьянинском
балу.***

руководил известный в то время учитель танцев — С. С. Вохрамеев. С моноклем в глазу, во фраке, подтянутый, элегантный, он на прекрасном французском, как говорится, «командовал парадом». Вохрамеев тоже стал жертвой репрессий и погиб в одном из лагерей архипелага ГУЛАГ.

Вспоминаю один из таких балов, сохранилась фотография: Петров во фраке, а я в белом платье с большим воздушным шаром в руках. Вот из-за этих шаров и произошла у меня с Володией размолвка. Вечер был испорчен. Я продавала воздушные шары. Бал — не только главное событие студенческого года, но и главный источник пополнения кассы студенческой взаимопомощи. Да-да, до войны благотворительностью занимались все общественные организации, в том числе и молодежные. Бал приносил несколько сотен латов. Благодаря этим средствам бедствующие студенты получали бесплатные обеды, которые так и назывались — татьянинские. Основная же доля собранных средств шла на оплату обучения тех же нуждающихся.

У меня в обеих руках были из шаров собраны большие букеты. Петров галантно подскочил (он был немного «под градусом») — одним махом их все скупил, еще пожертвовал значительную сумму (деньги, наверное, одолжил) и стал раздавать шары налево и направо. Меня почему-то это сильно разозлило. Я, держа в руках один оставшийся самый большой шар, сказала Владимиру Михайловичу, что он с его показным широким жестом напоминает мне разгулявшегося купца. На это он очень обиделся, пытался объяснить, что никакой «показухи» не было и что я вообще его не понимаю... На вечере мы так и не помирились, я ушла домой и долго сердилась, что Петров испортил мне тот вечер.

Такие размолвки у нас случались довольно часто. Все это кажется теперь детскими наивными шутками. Нередко «недоразумения» происходили из-за катка. В самом центре города, на так называемой Эспланаде, был каток. Играл духовой оркестр, скользили пары, и я очень любила туда вечерами бегать. По всей видимости, я неплохо каталась, и очень любила танцевать на льду. Иногда туда забегал Петров. Как правило, вечерами он был занят шахматами, вечно спешил, а увести меня с катка было довольно трудно. Я его вымаливала остаться на катке и обещала потом за ним заходить. И вот как-то я за ним не «забежала»... Партия была проиграна, и, как не раз потом случалось, по его словам, по моей вине.

Володя был очень обидчив, и из-за этого тоже возникали размолвки. В то время, когда мы только встречались, мои студентки-подруги сочинили что-то вроде частушки, которую и пропели на студенческом вечере в присутствии Володи.

«Как у Галочки Зенец
Есть коллекция сердец,
Есть и Коля и Володя,
И другие в этом роде!»

Я это восприняла как шутку и никакого значения не придавала ей, но Петров весь изменился в лице и ушел с вечера. Он был бесконечно обижен на меня, хотя я здесь была ни при чем. Не мог простить слов «...и другие в этом роде». Он расценил это как насмешку. Как это кто-то вроде Петрова! Помню, на это я ему заявила: «У Вас мания величия, Владимир Михайлович!» Наступила длительная размолвка, я тоже «закусила удила» и поклялась себе, что теперь все кончено. Несмотря на то что

***На веранде с маму-
лей и отчимом Нико-
лаем Васильевичем
Лобовиковым.***

Отчий дом на Дарзу, 18 в Резекне.

сам он любил шутить и посмеиваться — но на шутки, даже безобидные, над ним самым реагировал болезненно.

Я теперь очень критически отношусь к себе. Конечно, я была не особенно хорошей женой, но Володю очень любила, хоть ссорились мы часто. Он тоже, видно, очень любил меня. Был очень ревнив. Ревновал ко всему и ко всем, даже к моему родительскому дому. Я все время рвалась домой, обожала свою мать, отчима. Петров все говорил: «Теперь твой дом тут. Когда девушка выходит замуж — то родительский дом должен отойти на второй план».

Отчий дом

На студенческие каникулы и летом я уезжала к родителям в Резекне. Дом был большой (11 комнат), места хватало, и я забирала с собой своих друзей-студентов и студенток погостить. Родители всегда меня встречали на станции вместе с членом семьи — красавцем догом Ло. Мама испуганно каждый раз

спрашивала: «Сколько с тобой?» Я обыкновенно избегала ответа, а мама молча считала — сколько там вслед за мной выскочит из вагона.

Приезжал, конечно, и Петров. В Резекне среди русского населения в то время еще сохранился старый патриархальный уклад жизни. Соблюдались старинные обряды и обычаи. На Рождество ходили со звездой, в дом к нам вваливались ряженые, всех угощали печеньем, орехами, сладостями. Было шумно, весело, собака лаяла на размалеванные рожи и маски, пели песни, были пляски. В Риге, конечно, такое уже не соблюдалось.

На Страстной неделе в Великий четверг несли домой зажженные свечи, старались донести до дома и поставить кресты на входной двери. Это было очень красивое зрелище. Православная наша церковь находилась на горе, и вот во все стороны разбегались разноцветные фонарики с горящими огоньками, все старались донести этот огонь до своего дома. Ну и, конечно, на Заутреню мы шли в церковь. Перед тем мама нам кушать не давала, разговлялись потом, а наутро приходил священник, освящал Пасхальный стол, и начинались визиты местной интеллигенции. Мама была председателем Пушкинского общества, принимала участие в русской культурной жизни, и поэтому круг знакомых был очень широкий. За что и расплатилась ссылкой на 16 лет...

Милое, далекое прошлое. Счастливая юность. Петров любил на эти праздники приезжать в мой отчий дом и с грустью уезжал, торопясь на работу. А я, как «неработающий элемент», всегда оставалась еще.

Противоречивая натура

Говорят, что прошлое всегда кажется красивым. Я не идеализирую, я просто описываю ту обстановку, которая окружала в то время и меня, и вместе со мной Петрова. Конечно, где-то рядом протекала другая жизнь. Были безработные, было подполье, люди сидели в тюрьмах, боролись за идеи, были недовольны существующим строем. Все это было, но я не могу об этом судить, мне не приходилось с этой жизнью сталкиваться, как я, так и мое окружение были далеки от политики. От политики был далек и Петров, поэтому уму непостижимо то, что случилось и что привело его к гибели.

Сейчас, спустя более полувека, мне бесконечно трудно писать о прошлом. Да и трудно с позиции сегодняшнего дня пожилой, прошедшей нелегкий путь женщине объективно дать оценку как людям, так и событиям того времени. Даже характеризовать собственного мужа. Ведь я теперь не та Галка — молодая женщина, которая играла знаменательную роль в жизни В. М. Петрова, которая прошла с ним короткий жизненный путь. На нее я смотрю как на чужую, и не удивляюсь, почему она многого в Петрове не понимала. Видно, и окружающие его, и даже близкие друзья также в основном не поняли его сущность. Перечитывая письма Петрова и некоторые мои к нему, которые (когда его уже не было) я нашла во время немецкой оккупации в его столе, перевязанные ленточкой, прихожу к выводу: да он же был сплошной романтик! Хотя всегда считал таковой меня. О феномене любви он мог бы написать целый трактат. Конечно, Петров был очень противоречивой натурой (это выражалось во всем), с одной

стороны — романтик, с другой — реалист, человек с трезвым, практичным умом. Как сочетались в нем эти две черты характера? В то время я этого не понимала, и, наверное, за четыре с половиной года, прожитых вместе, не сумела его распознать и в нем разобраться.

Да стоит ли разбираться теперь — какой он был. К чему? Важно, что он был, что был в моей жизни, важно, что оставил яркий след, и прожитая жизнь с ним, что бы там ни было, кажется теперь счастливейшей порой моей жизни.

Удивляюсь — как за столько лет все до мельчайших подробностей сохранилось в моей памяти, ведь многое, многое другое бесследно исчезло. Думаю, что это было высшее предназначение — дожидаться времени, которое потребует из мрака небытия, несправедливости, жестокости и произвола воскресить честное имя Владимира Михайловича Петрова.

Как говорят многие знавшие меня в то время люди, да и как помню сама, вспоминая себя, я была очень веселым, жизнерадостным, жизнелюбивым человечком. Друзей у меня было много, и без людей, как позже говорил Петров, я жить не могла. Была я хохотушка, шутница, в корпорации я была «magister-cantandi» т. е. руководила пением, — и звали меня «певунья-плясунья». Как-то мама мне сказала: это от вечного смеха у тебя появятся преждевременные

морщинки вокруг рта. А я ей ответила: «Мамочка, я так тебе благодарна, что ты меня родила. Мне так хорошо живется на свете!» Милая, хорошая, добрая моя мать! Ты оказалась права: морщинки преждевременно появились, но — увы — не от смеха, а от

пройденных путей-дорог, и «щепоточкой соли» кто-то преждевременно украсил волосы. Мои слова о том, как хорошо живется на свете, напонила через много лет, вернувшись с далекого севера инвалидом, моя горячо любимая, когда-то красавица мать.

В корпорации я была «magister-cantandi» и звали меня «певунья-плясунья».

«Самовыражение», которое мне так и не далось

В то время меня многое интересовало, единственно, что оставляло равнодушной и не вызывало никакого интереса, — это шахматы. Об этом я позже очень жале- ла, и себя, потеряв Володю, постоянно упрекала. Но все это было значительно поз- же. Как говорится, «что имеем, не храним — потерявши плачем». Ведь для Петрова шахматы были неделимой частью его жизни, без них существовать он, наверное, не смог бы, а я даже не потрудилась заставить себя постичь премудрость этой игры. Правда, Володя несколько раз пытался меня заинтересовать, упорно, терпе- ливо и долго все объяснял, но потом окончательно махнул рукой, убедившись, что это действительно безнадежно и шахматы «не моего ума дело». Он очень меня обидел, сказав, что я совершенно не умею логически мыслить, а я, рассердив- шись, открыла зачетную книжку и показала оценку «5» по логике — чему Петров был удивлен и сказал, что мой профессор совершенно не разбирается в своих сту- дентах. Вот и опять была размолвка с милым и мне бесконечно дорогим Володей.

Петров шахматы очень любил. Фактически это была его жизнь. «Испытываю наслаждение в игре. Мысль, что необходимы пункты, даже полпункта, во мне сразу убивает творчество. Это все равно что, любуясь красивой вещью, искусс- том, желая ее приобрести, вдруг начинаешь считать копейки и в тот момент забы- ваете о самом искусстве».

В 1935 году, отвечая на вопрос «что такое шахматы», 27-летний Петров охарак- теризовал себя и свое отношение к этой игре следующим образом: «Некоторые считают, что это попусту потраченное время, многие скажут, что шахматы просто настольная игра,

а по-моему, шах- маты — это искусс- тво. Искусство, которое, возмож- но, и не блещет такой бесконеч- ностью идей, как его общепризнан- ные виды, но зато которому присущи моменты борьбы. Шахматы — это сражение! Сраже- ние, доставляю- щее эстетическое наслаждение.

Любители шах- мат, часами про- сиживающие за доской, ошиба- ются, считая, что

В альбоме под этой фотографией рукой Петрова написано: «Приезд Галчонка». Я уже официальная невеста. Кемери, 1937 год, IV тур.

***Берципфель -
широкая кожаная
подвеска для карман-
ных часов.***

уже играют в шахматы. Иллюзию эту необходимо рассеять, ибо шахматы — особенное искусство. Оно обильно насыщено элементами борьбы. Шахматы как искусство имеют свои законы и основы, которые необходимо постоянно изучать. Если же рассматривать шахматы как эстетическую борьбу, то им свойственна необычная интуитивная логика. Шахматная интуиция — это что-то необъяснимое, своеобразное, но в то же время она может руководить каждым при условии, что обучением шахматному искусству руководит высококвалифицированный тренер».

Я не раз его спрашивала, что для него значат шахматы. Игра, жажда победы, борьба или играешь, чтобы доказать, на что ты способен, быть лучшим, первым? «А что для тебя музыка? Для чего играешь? Для чего участвуешь в концертах, конкурсах?» — вопросом на вопрос отвечал Петров. «Самовыражение», — я нашла ответ, один ответ для нас обоих.

Первая встреча с шахматистами

В июне—июле 1937 года состоялся большой Международной шахматный турнир в Кемери. Я в то время была уже официальной невестой Петрова. По обычаю того времени в корпорации было принято всех оповещать открыткой о помолвке. Я сохранила эту открытку. С одной стороны были цвета Володиной корпорации, с другой — мои цвета, зеленый—синий—красный. (Эти цвета символизировали истину, добро и красоту, т. к. девизом «Сестричества Татьяна» были слова «За истину, культуру и единение».) Кроме того, невеста дарила жениху так называемый берципфель. Это широкая кожаная подвеска для карманных часов, на конце которой брелок с цветами корпорации «Рутения» — белый—оранжевый—черный. Жених дарил невесте брошку, опять же цвета женской корпорации.

На Кемерский турнир Петрова вызвали из армии, он тогда был призван на какой-то срок и поэтому прибыл солдатиком с бритой головой. Конечно, это его не красило, нервировало, портило настроение, и он умолял меня скорее приехать. Пришлось его успокаивать, говорить, что он и так хорошо выглядит. Приехать я смогла только после экзаменационной сессии. Таким образом, и открытие турнира, которое было очень торжественным и впечатляющим, и первые 4 тура я пропустила. В Кемери со временем Петров познакомил меня со всеми участниками турнира. А вначале я совсем растерялась. До этих пор, т. к. я была далека от шахматной жизни, я никого не знала и только некоторые имена где-то слышала.

По своей натуре я легко схожусь с людьми, в этом отношении у меня с мужем было много общего. Хотя он был более строг в оценке людей, держался на расстоянии, не раскрывая до конца свою душу. Я упрекала его, что он очень легко навешивает

людям всякие ярлыки и дает оценку, еще до конца их не распознав. А я, по его словам, слишком всем доверяю и в жизни мне не раз придется убедиться в их вероломстве и неискренности. Во многом он оказался прав.

При первом знакомстве с шахматистами мне сразу понравился Паул Керес. Это был скромный, высокий, стройный молодой человек с умным, серьезным, интеллигентным лицом. Мне он показался симпатичным, о чем я поделилась с Петровым, который тоже очень тепло отозвался о Кересе, характеризуя его как талантливейшего, с блестящим будущим шахматиста, добавив, что всегда побаивается партий с ним. С Кересом мы были почти однолетки, оба студенты. Паул учился на математическом факультете в Эстонии. На турнире все свободное время он проводил с тоже еще молодым человеком. Это был его секретарь, который следовал за ним буквально по пятам.

Более близкое знакомство с Паулом произошло таким образом: Петров был занят отложенной партией, а я, взяв книгу, отправилась в парк, который расстилался сразу за гостиницей. Это был роскошный громадный парк, переходящий в густой лес. Гуляя, я наткнулась на секретаря Кереса, который озабоченно всюду его разыскивал. Узнав, что Кереса я не встречала, он шмыгнул в боковую аллею, а я пошла дальше и, зайдя почти в гущу леса, вдруг увидела в укромном месте на скамейке Кереса. Он как будто прятался от всех. Я вынуждена была сказать о секретаре, а он, мило улыбнувшись, просил его не разоблачать, хочет отдохнуть один.

*Участники Кемерского турнира
в тени юрмальских джун. Июль 1937 года.*

Я направилась дальше, но он попросил меня присесть и немного поболтать, но только не о шахматах. Узнав, что я в шахматах ничего не понимаю, о жизни шахматистов ничего не знаю, шахматных журналов не читаю, Керес как будто даже обрадовался. Он сказал, что это я хорошо делаю, но в таком случае он удивлен, что именно шахматиста я выбрала в спутники своей жизни. Я ответила, что, видно, противоположности сходятся...

О Петрове Керес отзывался как о талантливом и многообещающем шахматисте. Мы поговорили о жизни Латвии, Эстонии, о наших университетах, Керес жаловался, что у него совсем не остается времени на учебу, боится, что из-за шахмат и всех своих разъездов не сможет окончить университет. Так началось знакомство, которое перешло в дружбу, и я с благодарностью вспоминаю его отношение лично ко мне и

искреннее переживание и сочувствие позже по трагической судьбе Петрова. В его невиновности он был полностью уверен; фактически Керес был единственным из шахматистов, который чтит память мужа и не отвернулся от меня. Не знаю, теряюсь в догадках, что удерживало других, — страх? Упомянуть даже после смерти имя репрессированного человека... Боялись не месяцы, не годы, а целые десятилетия.

Дама с собачкой

На турнире я также обратила внимание на элегантную, красивую молодую женщину, с большим вкусом одетую. Это была жена знаменитого шахматиста Сало Флора — Раиса. Ее всегда сопровождала маленькая беленькая собачка Берри.

Кемери, 4 июля 1937 года. Последний тур - решающая схватка с Флором.

...но думают о другом!

«Раиса как чеховская «дама с собачкой», — как-то сказала я Петрову, он рассмеялся, и впредь в наших разговорах она и проходила как «дама с собачкой». Познакомились мы с ней быстро, и к концу турнира были неразлучны. Она называла меня «Галюша» и, как и секретарь Кереса, всюду меня разыскивала, чем вызывала недовольство и даже некую ревность Петрова.

Как мне, так и Раисе хотелось в наших разговорах посудачить, даже посплетничать, поговорить о «тряпочках», отключиться от выигрышей, проигрышей, от недоигранных партий наших мужей. У Раисы было очень много богатых и красивых туалетов, дорогих украшений, бесчисленное количество обуви. Я была в этом отношении не избалована, была просто молоденькая студентка, косметики почти не употребляла, носила гладкую мальчишескую прическу.

Понятно, что мне было интересно рассматривать Раисины красивые вещи, спрашивать ее советы насчет туалетов и косметики, которая у нее была в изобилии. У нее была довольно сложная машинка для поднятия ресниц, воспользовавшись однажды которой, я так прищемила веко, что оно надолго покраснело и я чуть не окосела.

Как-то она захотела мне подарить длинные яркие серьги с синими камнями, которые мне будто бы очень шли. Но я, конечно, отказалась, причем Раиса уверяла, что я обязательно должна носить в ушах что-то длинное, т. к. это скрашивает и удлиняет мое круглое лицо и курносый нос. В Праге я потом себе купила такие, но Володя категорически забраковал и сказал, что это совсем мне не идет и чтобы я не удлиняла ни мое круглое лицо, ни курносый нос. В Кемери Раиса несколько раз принималась выдумывать и рисовать мой свадебный наряд. Я долго хранила ее «модели», но на деле ими не воспользовалась, слишком они были мудреные.

Мы с Раисой часто сидели в кафе на громадной террасе в гостинице, а рядом за стеклом находился зал, в котором происходил турнир. У меня в альбоме сохранились две фотографии: на одной Петров играет с Флором, на второй мы с Раисой пьем кофе, под фотографией надпись рукой Петрова: «...а думают о другом». Вероятно, каждая из нас в душе желала, чтобы выиграл ее муж. Раиса в шахматах разбиралась довольно хорошо и удивлялась моему безразличию. Мне даже стало как-то неловко, и я заявила, что это только пока и что я с интересом постигаю эту премудрость.

О себе Раиса рассказывала очень много. Она киноактриса, жила в Москве (ее девичья фамилия Кристаллинская), а теперь с мужем живет в Праге, которая ей нравится, но скучает по Москве (Сало переезжать туда не хочет). Жизнь в Москве она очень расхваливала, все там, в Советском Союзе, хорошо, жизнь интересная, всего вдоволь. Правда, она ни разу не упомянула, что все ее красивые вещи приобретены за границей. Я в то время всему верила, и у меня в мыслях после разговоров с ней и ее информации о Советском Союзе царил полный хаос.

”
*Слова Раисы
о моем носе,
так меня «затрону-
ли», что я, через
несколько лет,
чуть не сделала
операцию носа
в Париже. Хорошо,
что Володя
категорически
отказался
за это платить.*

”

Флоры обожали свою собачку. Раиса рассказала, что в Москве соответствующие органы предложили им кличку собачки — Бэрри — поменять на другую. Когда я удивилась — почему, она туманно намекнула, что это созвучно с Берия. (Для меня тогда это был пустой звук, и уточнять я не стала.) Так Бэрри стала Мэри. Но когда они приехали в Англию, то сами решили дать новое имя — Тэрри, т. к. посчитали неудобным называть собачку именем королевы Англии.

Несмотря на то что мы с Раисой очень подружились, так мне казалось, Петров же Раису определенно недолюбливал, считал ее ограниченной, но с большим воображением. В ее искренность и дружеское отношение он не верил. «Поверь, ты когда-нибудь сама в этом убедишься». Возможно, он уже тогда был прав, но я в этом убедилась только после войны, когда узнала об аресте мужа. Никаких других сведений о нем у меня не было. Я несколько раз писала Флорам — тогда они уже проживали в Советском Союзе, опасаясь геноцида со стороны нацистов, — умоляла сообщить, что они знают о судьбе мужа. Надеялась, что друзья предложат приехать в столицу, помогут с поисками. Умоляла откликнуться. Но... тщетно. Мне даже ответил начальник Варкутлагерей, к которому обратилась, не положил мое письмо «под сукно».

Как я была наивна! Ответа я, конечно, от Раисы не получила. Мне было очень горько и обидно, было глубокое разочарование, очень тогда еще я верила в дружбу. Вспомнила слова Володи. Теперь-то я больше ничему не удивляюсь. Сказать, что понимаю, — нет, не скажу. Точнее — этого не понимаю, но не удивляюсь.

Но в то далекое время у меня с Флорами были самые теплые отношения. Сало тоже мне был очень симпатичен. Дружбой это нельзя было назвать, но мы с ним с удовольствием общались друг с другом. Он определенно хорошо, искренне ко

***Сало Флор с Мариночкой на руках у нас дома
во время второго Кемерского турнира. 1939 год.***

мне относился. Был очень прост, никакого воображения, зазнайства я в нем не замечала, хотя он был уже очень знаменит. Чехи его очень любили и им гордились. Я была уверена, что он чех, и только значительно позже узнала, что он еврей — Саломон Флор, еврейкой также была и Раиса, хотя она мне говорила, что русская.

Маскотта — Галчонок

Вечерами в Кемери мы прогуливались по парку, много болтали. Раиса, конечно, прекрасно говорила по-русски, а Сало — с большим и каким-то милым смешным акцентом. Иногда присоединялся Ландау, он, видно, был дружен с ними. Ландау — большой, довольно грузный, и мы все рядом с ним казались какими-то «мелкими». Сохранилась большая фотография: Флоры, Ландау, мы и, конечно, Бэрри. Сало очень любил собачонку, всегда возил ее на турниры и считал ее своей маскоттой, на что Петров как-то ему сказал: у тебя маскотта — собачка, а у меня птичка — Галчонок. После этого Сало ко мне обращался только «птичка», причем это слово произносилось с большим акцентом, что-то вроде «птышка». Мне очень нравилась улыбка Флора. Она была детской, милой и доброй. Порой он очень заразительно смеялся, и в этом они с Петровым были чем-то схожи. Во время второго Кемерского турнира (кажется, 1939 год) Флоры несколько раз были у нас в гостях. Сало брал на руки нашу дочурку Марину и с нею играл, он, видимо, любил детей (своих у них не было). Петров сделал несколько снимков, но сохранился только один — Сало с маленькой Мариночкой на руках.

Вспоминается комический случай того периода. Вместе с Флорами я пригласила в гости шахматиста Бэка. Он был выше среднего роста, коренастый, уравновешенный, светловолосый, светлоглазый финн. Типичный северянин. Моя дочурка была не совсем здорова, что-то с животиком, и он мне давал какие-то советы (наверное, у него самого был маленький ребенок, т. к. он был неплохо осведомлен в этих вопросах). Мы с мужем хозяйничали на кухне, Сало держал Марину на коленях, Раиса накрывала на стол, Бэк сидел в кресле. Я услышала плач дочурки, оказалось, что она «мокренькая». Я посадила ее на колени Бэку, а сама пошла в другую комнату за сменным «туалетом». Когда я ее подняла, то с ужасом увидела большие мокрые пятна на его светлых серых брюках. Он сидел робкий, смущенный, а я была в отчаянии, чуть не плакала, и страшно перед ним извинялась за случившееся. Я не помню другого случая, чтобы Сало Флор так хохотал. От мужа мне, конечно, попало за необдуманные действия. Оба шахматиста за меня вступились, а Сало сказал, что это «к счастью» и завтра Бэк свою трудную партию обязательно выиграет. На следующий день от мужа я узнала, что бедному Бэку пришлось брюки сдать в срочную чистку, его партия была отложена в выигрышном положении, а через день он ее все-таки выиграл.

” *У спортсменов, особенно шахматистов, суеверие выражено ярче всех. Таким был и Петров, азартный характер которого и в буднях находил игровой момент. Соревнование было самой важной частью его жизни, поэтому вера в талисман, определенное действие или соблюдение ритуала — все это помогало ему освободиться от напряжения, и суеверие Владимира было не столько экстравагантностью, сколько психотерапевтическим средством.* ”

Как я была счастлива! А Флор потом подтрунивал и говорил, что надо перед сложными партиями Петрова непременно прибегать к такому же эксперименту.

Разговор о Москве

Были мы с мужем и у Флоров в Праге. В каком году и когда это было, я теперь вспомнить не могу, но, конечно, уже после Кемерского турнира, ибо у нас с ними в то время были теплые и достаточно близкие отношения. Международного турнира в Праге тогда не было, но у Петрова было несколько сеансов одновременной игры. Флоры жили в центре города. Была у них одна большая комната или однокомнатная квартира, хорошо и со вкусом обставленная. Раиса вообще обладала большим вкусом. Следила за внешним видом мужа, Сало был всегда элегантно одет, с хорошо подобранными галстуками, рубашками и обувью. Это, несомненно, была заслуга Раисы. Мы много с ними бродили по городу. Они нам показывали достопримечательности, возили нас за город в замечательно красивые живописные места. Петров уже раньше бывал в Чехословакии, для него это было не новым, а я была в восторге от красавицы «Златой Праги».

Как-то у Флоров дома зашел разговор о Москве. Вспоминая, как в Кемери мне Раиса рассказывала о Советском Союзе, я без всякой задней мысли задала Сало вопрос, почему он не хочет переезжать, т. к. Раиса всегда туда стремится и здесь, как бы хороша ни была Прага, скучает. Сало вдруг заговорил очень резко, что было ему несвойственно. О советской жизни он, неожиданно для меня, высказал совершенно противоположное Раисиному мнению. Говорил, что там надо бояться каждого своего высказывания, что там все подслушивают, всегда надо бояться, что кто-нибудь что-нибудь донесет. За каждым новым человеком, особенно приехавшим из-за границы, следят. Раиса ему возражала, оспаривала, чувствовалось, что ей передо мной неудобно. Не могла же она забыть рассказанное мне ранее. Сало ей отвечал с большим раздражением...

Фавориты Кемерского турнира.

Невольно я оказалась виноватой в этой их перепалке. Таким я больше никогда Сало не видела и подобного не слышала. В тот вечер у меня сложилось впечатление, что не все у них в совместной жизни гладко и безоблачно. Мне интересно было бы сейчас узнать — каким Сало был и изменились ли его взгляды с тех пор

как он переехал в Советский Союз и стал его подданным. Совсем недавно узнала, что с Раисой он развелся и у него была другая жена, и грустно стало, что он уже умер.

В Праге я еще раз встретила с шахматистом Карелом Опоченским. Мне казалось, что он был к нам расположен. Во всяком случае в Праге он был очень внимателен и предупредителен. В Праге был похоронен мой дядя Ваня — брат моей матери, жена его была чешка. Он был очень известным летчиком. Его в Чехословакии называли «королем воздуха». В начале 30-х годов он, выполняя какой-то трюк (кажется, мертвую петлю), разбился. Были пышные похороны, на которые ездила моя мама. Хоронило государство и поставило очень красивый памятник. Мама привезла из Праги кусок крыла самолета, на котором дядя Ваня разбился, с вделанной в него фотографией дяди. Карел помог мне разыскать кладбище, и сам с нами туда поехал. Он очень тепло высказывался о Петрове. Как же он мог после ареста Володи сказать, что даром не сажают?

С четой Флоров мы встречались еще не раз и в Стокгольме. Конечно, подобных разговоров больше не было, и в наших отношениях ничего не изменилось. Мы не думали, что на олимпиаде в Бадене я встречу с ними в последний раз. Володя еще встречался с ними в Советском Союзе. Каковы там были их отношения, встречались ли они помимо турниров — мне установить не удалось. Знаю, что Флор умер, а Раису я не пыталась разыскать.

Кумир на всю жизнь

Возвращаясь к встречам и знакомствам на Кемерском турнире. С Алехины меня познакомил, конечно же, Петров. Перед Александром Александровичем я робела, чувствовала себя совсем девчонкой. Высокий, стройный, светлые волосы. Небольшие глаза, не то серые, не то голубые, показались мне невыразительными, наверное, из-за его близорукости. Говорил мало. Я не заметила, чтобы он на турнире с кем-то особенно контактировал. Много о нем мне рассказал Петров. От него я узнала, что когда он в свои 17 лет услышал, что Алехин в 1925 году поставил рекорд в Париже — играл вслепую на 28 досках, — то чуть с ума не сошел и с тех пор стал на всю жизнь его кумиром. Когда я упрекала Володю за излишнее «прикладывание к рюмочке» — он мне говорил, что самые красивые партии у Алехина, когда он был «под градусом». Не знаю, так ли это, но слова Володи помню.

Алехин мне показался грубым, резким, и очень скоро я поняла, что просто его боюсь. Как-то приехала меня навестить моя близкая подруга. Случилось, что мы оказались вместе с Алехиным и его женой. «Какой несимпатичный», — потом сказала она, а от Сало Флора была в восторге. Не нравилась мне и жена Алехина, с ней я познакомилась в Кемери, затем встречалась на турнире в Маргете. Во время игры мужа она выбирала удобное место с хорошим обзором и вязала, наблюдая за игрой мужа. Первый ее вопрос ко мне — умею ли я вязать, каждая женщина должна уметь! Я в то время ждала ребенка, и она все время делала замечания: слишком быстро хожу, слишком высокие каблуки, не по погоде одежда и т. д. и т. п. Помню, полезла на подоконник в гостинице занавеску поправить. Она в этот момент вошла в комнату (наши номера были рядом), пришла в ужас

и бестактно отчитала меня как девчонку. Как и на каком языке (не по-английски — я плохо говорила, возможно, на немецком), не помню, но мне было обидно. Потом Петров меня расспрашивал, что я там сделала, что привело ее в такое негодование, почему это я вдруг неосторожная и без-

рассудная. Я ответила, что это был всего лишь подоконник... Он, по-моему, так и не понял, что произошло. Это была моя последняя встреча и несостоявшийся контакт с г-жой Алехиной.

На мой вопрос, хочет ли вернуться Алехин в Россию, он ответил: «НИКОГДА!» От Советского Союза у него остались в памяти только голод, нищета, разруха. Когда смотрела художественный фильм «Белый снег России» об эмиграции Алехина, была очень разочарована. Как не похож на себя был Сало Флор (ни внешне, ни всем своим обликом), как не похожа на себя жена Алехина и откуда взялась у Александра Александровича эта ностальгия по Родине?! На второй вопрос: «Остались ли у него там родные?» — ответил «нет». Теперь мне понятно, почему он так ответил. Пережила все сама... Значительно позже узнала, что у него были брат Алексей и сестра Варвара, которые официально отреклись от Александра Александровича как антисоветчика.

Вспоминаю, как на Кемерском турнире Алехину удалось удачно отыгаться за шутки, которые в его адрес отпускали молодые участники турнира. Перед партией с Володией Алехин уловил момент, когда рядом с турнирной таблицей находились Флор и Решевский. Он взял в руки мел и с равнодушным спокойствием себе и Петрову написал по половине. Флор с Решевским возмутились не на шутку — заранее договоренный результат не подобает рыцарям королевской игры. Ответ Алехина, почему он не может подарить Петрову пол-очка, вызвал еще большее негодование со стороны лидеров турнира. На что Алехин еще подлил масла в огонь — он стер половинку и поставил себе ноль, а Петрову единицу...

Алехин и Петров до начала Кемерского турнира на террасе гостиницы «Кемери». Лето 1937 год.

Успех, которого никто не ждал

Петров на Кемерском турнире удивил весь шахматный мир, разделив первое место с гроссмейстером Флором и бывшим американцем вундеркиндом Решевским. Кстати, по словам Володи, турнир был самым яростным из проходивших за последние четыре года в Европе.

То, что он вошел в тройку победителей, удивило не только участников турни-

ра и болельщиков, но в какой-то мере и самого Владимира. По желанию других победителей турнира, Решевского и Флора, приз за первое место (подарок президента республики Карлиса Улманиса) — выполненную в народном стиле шкатулку с резными шахматными фигурами и инкрустированной янтарем доской — вручили Петрову. Правда, за нее Петрову пришлось выплатить компенсацию. Первые три приза — 1000, 750 и 500 латов — разделили поровну между участниками. А Бэк получил специальный приз — 50 латов за партию, «решившую исход турнира».

По неофициальным правилам шахматного мира, если в международном турнире участвуют шесть гроссмейстеров, то победитель турнира получает звание гроссмейстера. Так как на турнире в Кемери участвовало семь гроссмейстеров, то и Петров по существующей в мире неофициальной классификации получил титул

Вручение призов: серебряный кубок от семьи Нимцовича, инкрустированные янтарем шахматы - от президента Латвии Карлиса Улманиса.

***Организаторы и все участники турнира
в Кемери. Июнь 1937 года.***

шахматного гроссмейстера. И в Латвии начиная с 1937 года, и в заграничной прессе, особенно посвященной Олимпиаде в Буэнос-Айресе, Петрова начали называть гроссмейстером. В СССР же его гроссмейстерский титул, конечно, не признали. Но Петров — один из немногих представителей Латвии, кому квалификационная комиссия утвердила титул мастера спорта. Это произошло, по-моему, в 1940 году.

Вот что писал о Кемерском турнире и о Петрове (уже после посмертной реабилитации) литовский гроссмейстер Владас Микенас: «В. М. Петров был, конечно, замечательным шахматистом. Это он подтвердил на турнире в Кемери в 1937 году, после которого он прочно вошел в элиту сильнейших шахматистов мира. С особенно глубоким пониманием он проводил встречи, играя белыми в каталонском дебюте. Бороться с Петровым в его «каталонке» было крайне трудно. Не сомневаюсь, если бы не суровые годы войны, Петров добился бы исключительных успехов в своем любимом шахматном искусстве». Но Петрову суждено было погибнуть не на войне, а в одном из сталинских лагерей.

В память шахматного теоретика А. Нимцовича, сына богатого рижского торговца, уехавшего в свое время в Германию, его родственники, живущие в Риге, учредили специальный приз — серебряный кубок — за красивейшую партию, которую сыграет представитель Латвии против зарубежного шахматиста. Этот приз и получил Владимир Петров за партию с Рельштабом.

Янтарные шахматы, приз президента Латвии победителю турнира, и два кубка, один из них приз семьи Нимцовича, — это все, что удалось мне сохранить. Это все, что осталось потомкам от шахматной деятельности Владимира Михайловича Петрова.

На турнире в Кемери были мои первые встречи и знакомства с шахматистами. Передо мною фотография всех участников турнира 1937 года. Всех помню по фамилиям, но не со всеми завязались знакомства.

Свершилось, по Европе вдвоем!

В 1937 году шахматная карьера Владимира Петрова поднялась еще на одну ступеньку. Квалификация гроссмейстера открыла путь на турниры высокого ранга, да и в общем он был «на коне». В июле 1937 года мы зарегистрировались в рижском загсе. И на Олимпиаду в Стокгольм поехали уже вместе. Венчались же мы чуть позже, в декабре, на Рождество 1937 года, в Резекне, моем родном городе.

Эту Олимпиаду в Стокгольме, по словам Володи, нельзя было считать особенно ценным мероприятием в шахматном смысле: огромное количество участников заставляло организаторов придерживаться такого темпа игры, который фактически полностью исключал творческий момент, и установленное время на обдумывание — два с половиной часа на 50 ходов — в большинстве случаев не способствовало участникам показать идейно богатую и обдуманную игру. Так что состязания в «Метрополе» Швеции проходили в очень трудных условиях. Каждый день участники турнира играли по две

***Венчались мы
на Рождество
в Резекне
- моем
родном
городе.***

” **=====**
*Во время
венчания
— плохая
римета —
с головы
слезла
фата
и покатилося
кольцо.* **===== ”**

партии, что занимало от 10 до 11 часов. Олимпийская команда Латвии выступила в ослабленном составе — без Фейгина, Берга и Хайзенфуса. Замещающие их шахматисты не были так хорошо подготовлены, поэтому вся тяжесть борьбы легла на плечи Петрова и Апшениекса. Учитывая, что Володя, играя, постоянно курил, закономерно то, что произошло по приезде в Ригу.

Перед важной встречей с Максом Эйве Володя решил бросить курить. Мы жили в гостинице на улице Kungsgatan. Ночью вдруг Володе стало плохо, покрылся весь испариной, стал задыхаться, пульс еле прощупывался, бил озноб. Пришлось вызывать доктора. Помню, врач хорошо говорил по-немецки, так что общение с ним не было затруднено. Выяснив, как давно Петров курит и сколько в день выкуривает, сказал, что так сразу бросать курить не следует и его состояние вызвано этим. Пусть пока, хотя бы во время турнира, так больше не делает. Володя очень обрадовался и сказал, чтобы я с этим к нему не приставала. Тут же он взял сигарету и с удовольствием затянулся, выкурил одну за другой сразу несколько сигарет. Это вызвало головокружение и даже тошноту. Утром Володя был какой-то расслабленный, бледный. Партию с Эйве проиграл. Больше он курить не бросал, и сколько его помню, всегда, когда дома сидел за шахматной доской, в руке была сигарета.

В Стокгольме Петров получил известие, что открытие состязаний восьмью сильнейших шахматистов мира, которые были предусмотрены 25 августа в Земмеринге, переносятся на 8 сентября в Баден у Вены. В турнире должны были участвовать: Капабланка, Файн, Решевский, Флор, Элисказес, Керес и Рагозин.

Но поездка в Баден попала под сомнение. Трудные условия Олимпиады в Стокгольме не заставили себя долго ждать. Владимир Михайлович по приезде в Ригу сразу же попал в больницу — оживился, как он написал мне в письме, старый туберкулезный процессик в верхушке левого легкого. Конечно, на это повлияло его постоянное курение.

***Петров, Найдорфф и я.
Варшава, 1937 год.***

***В гостях у Флоров.
Прага, 1938 год.***

Из письма Владимира Михайловича мне от 21 августа 1937 года:

«Галя! — только не волнуйся. Твой муж очень болен. Это совсем не правда, что тебе сказали в городской амбулатории. Наш военный врач — капитан, как увидел эту выписку из рентгенкабинета, стал таким серьезным, что я испугался. Он меня отправил сразу же в военный госпиталь и сказал, что я так серьезно болен, что меня наверняка освободят от военной службы. У меня опять начался в верхушках легких туберкулезный процесс, и это очень опасно, опаснее, чем железки... Сейчас 7 часов вечера — в 10 часов иду в больницу. Мне так страшно и печально... А Таля, моя любимая сестра, сделала меня еще более печальным — она говорит, что и турнир в Бадене «тю-тю». Придется лежать месяц в больнице.

Где же наши сны, мечты о совместной поездке в Баден? А я хочу в Баден ехать, хочу, хочу, и, конечно, с тобой!»

В письме от 23 августа 1937 года из военного госпиталя Володя пишет мне в Резекне о том, что его по состоянию здоровья все же комиссуют. Написанное письмо нервное, почти истеричное. На следующий день он будет представлен на комиссию для освобождения от военной повинности. Выдержки из письма:

«Ведь я же калека! Я не имею права тебя связывать с больным человеком. Вчера и сегодня меня осматривали младшие и старшие врачи. Сделали пробу крови — падение — 4. Говорили, что не так плохо. Был у меня старый процессик, он почти закрылся, но олимпиада его оживила, и в верхушке левого легкого снова начался. Разве такой калека имеет право на чудную, хорошую Галочку, которую я очень, очень люблю!

Младший врач говорит, не так все серьезно, что можно этот процесс залечить, главное — спокойствие, хорошее питание, свежий воздух, поменьше солнца и отказаться от купания. Главное, все врачи говорят в один голос, что я должен бросить курить, а я (какой твой Володя плохой) все еще курю (очень мало, вчера 5 папирос, сегодня пока три, а уже два часа дня). Придется бросить. А так, в общем, чувствую себя неплохо. По ночам не потел, но ладони влажные и общая слабость, как похожу полчаса по парку, так уже устал и хочется прилечь. Ради Бога, не говори ничего маме и Коле. Ведь теперь я туберкулезный, и прощай мечты о Режице. Может, я заразен и вас всех заражу. Младший врач — Герхард — обнадежил, говорит, что если за оставшиеся 2 недели хорошо отдохну, может быть даже смогу ехать в Баден. Подумай, куда я гожусь? Старший врач сказал, что пока я совсем не выздоровею, должен от всего воздерживаться...

Что мне делать с Баденом? Как готовиться к нему? Где мне «отдыхать»? Нет! Нет! К Тебе в Режицу я не поеду! Да, смешно! Как быстро кончилась моя военная служба! Мне так стыдно показаться кому-нибудь на глаза и сказать, что я отпущен по болезни. Ужасно стыдно перед всеми и Твоими, но только не перед Тобой! Ты мое единственное солнышко. Прости, Галочка, о тебе ничего не писал, а ведь без тебя я жить не могу...»

Возможно, неудача в Бадене — его болезнь. Ну и, конечно же, он ее сильно преувеличивал.

Все казино Европы, во всяком случае в то время, должны были часть своей прибыли тратить на культурные цели. Лучше всего для этого подходили шахматные тур-

ниры — относительно дешевое, но очень популярное, привлекающее внимание всего мира мероприятие. Именно это лежало в основе многих шахматных турниров того времени. Когда крупнейшее казино Европы в Бадене решило в срочном порядке организовать шахматный турнир, никто не знал, что это будет за турнир, кто

*Часто
Володю
приходи-
лось
утешать
как
ребенка...*

будет в нем участвовать и в каком виде его проводить. Единственное, что было точно решено, — это участие Капабланки. Поэтому в начальной стадии организации турнира творился полный хаос, и многие шахматисты получили «ложные» приглашения на турнир, начинающийся 25 августа. В конце концов мероприятие решили назвать «турниром восьми сильнейших в Земмеринг–Бадене», провести его в два круга, а главным арбитром назначить Макса Эйве. Правда, потом, когда Эйве пришлось срочно уехать, его заменил Шпильман. Турнир проходил с 8 по 27 сентября 1937 года. Первые четыре круга прошли в Земмеринге, все остальные игры были сыграны в Бадене в помещении казино. Проживали участники турнира в гостинице «Grüner Baum».

Турнир в Земмеринге–Бадене для Владимира Петрова начался сокрушительной неудачей. Во–первых, я не смогла поехать с ним, а во–вторых, обстоятельства заставляли его доказывать, что он достоин титула, завоеванного в Кемери. Вдобавок ко всему ему «удалось» простудиться.

Фрагменты

из письма от 13 сентября 1937 года из Бадена:

«Из четырех партий одна ничья! Мне так стыдно и грустно, что перестал писать в газеты, и вообще писать больше не буду, никогда и никому. Прощай все мечты! Действительно, я был прав, когда говорил, что твое отсутствие на турнире может отразиться на моей игре. Я больше чем уверен, что будь ты в Земмеринге, я бы принял ничью с Решевским и не рисковал бы с Флором, где я также мог сыграть вничью, а рисковал я играть на выигрыш только потому, что уже имел один ноль против Решевского. К тому же нервное состояние и выпуск легкого выигрыша с Кересом, которого я переиграл в дебюте и в середине партии мог буквально разнести. Но с середины партии стал испытывать цейтнот и делал все более и более слабые ходы.

Была бы ты в Земмеринге, я бы не простудился. Когда я играл с Кересом, у меня было 37,7С. До сих пор чувствую себя неважно. Разбит морально и физически. Если бы ты могла приехать...

Нервы сдали. Эйве меня утешал и говорил, что все это идет на пользу, но ведь мир бессердечен и смотрит только на результаты, а их у меня нет!

Когда получишь письмо, сразу выезжай! Бог с ними, с деньгами, зарабатываем! Ты ведь видишь, что твое отсутствие уже стоило денег, хотя бы, грубо говоря, тех денег, которые назначены за пункты безпризерам (30 латов за пункт, а я смазал уже два, т. е. тебе на «дорогу»). Дорогу обратно и за отель я уж заплачу, столько денег мы с тобой здесь зарабатываем. Ради Бога, не говори только маме, что я был простужен. Я и теперь все время чихаю, т. к. был очень невнимателен и ни разу не воспользовался своим пальто, а там было сыро и туманно. В Земмеринге осенью всегда пасмурно, т. к. очень высоко, а зимой там опять хорошо. Здесь же, в Бадене, сейчас опять тепло. Рулетка мне тоже стоила денег. Я сначала держался, не играл, а потом после неудач хотелось немного забыться. Проиграл всего за четыре дня 70 шиллингов, т. е. 70 латов. Больше играть не буду.

Приезжай, родная! Жду и в ожидании Тебя обещаю завтра хорошо играть с Файном, а черными буду спокойно играть на ничью. Пусть они выигрывают у меня. Приезжай, миленькая, непременно. Одолжи в Риге где-нибудь деньги, я в Риге заработаю и отдам. Скажи своей маме и отцу, что Галя будет с Володей и все будет хорошо.

”

*Перед турнирами
Петрова мучила
бессонница.
После проигрыша
вообще не смыкал
всю ночь глаз
и много курил,
мучительно
переживал.
Приходилось
как ребенка
успокаивать,
утешать. Порой
мне это очень
надоедало. И тогда
я его упрашивала
бросить
эти «противные
шахматы»,
которые только
портят жизнь.
Ты ведь крист,
лучше постарайся
быть хорошим
адвокатом...*

”

**Выезд
в Зегельвольд.
1937 год.**

Я закажу тебе комнату. Хорошо?!

Привет тебе от Решевского и г-на Эйве.

Твой на всю жизнь — Володя».

Конечно, я приехала. И Петров, после тяжелой моральной травмы на первом круге турнира — 1,5 очка из 7 возможных, собрался с духом и во второй половине

состязаний достиг 50%, т. е. 3,5 очка. Учитывая сложившуюся ситуацию, всех удивила способность Петрова собираться с силами и преодолевать неудачи. Хотя эта способность и была характерной у Владимира Михайловича, я думаю, в данном случае повлиял мой приезд. Эх, если бы турнир имел третий и четвертый круг... Но на турнире в Земмеринге—Бадене Петров в первый и последний раз в своей шахматной карьере остался на последнем месте.

Любви язык не нужен

Капабланка на меня внешне произвел очень сильное впечатление. Он был необычайно красив, элегантен, строен, синие глаза, черные волосы. Улыбка — очаровательная, хотя он крайне редко улыбался и был чаще неприветлив. Петров даже приравнивал меня к нему. Но Капабланка был очень самовлюбленный. В нем мне не нравилась его самоуверенность, чувство своего превосходства. Казалось, что он на всех и на вся смотрит свысока. В его присутствии я совсем терялась. Капабланка раз мне сказал, что я совсем девочка...

Держу фотографию, сделанную в Бадене. Я, Рая Флор и Ольга Капабланка (вдова русского эмигранта — Ольга Чегодаева). Мы — совсем разные. У Ольги очень выразительные глаза. Красивая, величественная женщина. Красива пышной красотой женщины любящей, любимой и, чувствовалось, очень счастливой. Она мне напоминала королеву. Ольга сказала, что она княжна. Ольга любила Капабланку безумно, глядела на него с обожанием. Об этой своей любви к нему она и мне много говорила. Капабланка также, по ее словам, очень ее любит. Я спросила: на каком языке вы говорите? А она ответила: «Для любви, Галюша, языка не надо». Рядом с ней красивая брюнеточка — худенькая изящная Раиса — терялась. Ольга живо интересовалась жизнью русских в Латвии. Хорошо знала русскую литературу, я часто расспрашивала ее о русских писателях в эмиграции. Первый свой студенческий год я жила в Риге у своего дяди — известного писателя Сергея Рудольфовича Менцкова, которого Пунга выписал из Югославии, и в его доме я познакомилась со многими писателями, как живущими в Латвии, так и приезжающими из-за рубежа, — поэтому у нас с Ольгой было много тем для разговора. С Раисой общение было совсем на другой почве, если так можно сказать — духовности не хватало.

Всем смыслом жизни Ольги был Рауль и его шахматы. Рядом с Ольгой и Раисой я казалась сама себе очень ничтожной и невзрачной. Мысленно давала себе обет так же, как Ольга, интересоваться, жить интересами мужа и его шахматами. Увы... Володя меня утешал, говоря, что для него я самая великолепная королева.

Я очень не любила, когда партия откладывалась, да еще в худшем для Володи положении. Он не отходил от доски, почти не спал и разбитым шел на доигрывание. Его ничем не удавалось отвлечь. Я сердилась и ворчала. Теперь, вспоминая, сознаю, что я не была достаточно чуткой и внимательной женой. Шахматная жизнь мужа для меня не была смыслом нашей жизни. Когда я на турнирах с замирающим сердцем смотрела на партию и старалась угадать конечный результат, я всегда считала, сколько у кого на доске фигур. И хотя Петров не раз мне объяснял, что от количества фигур не зависит выигрыш, я так от этой привычки отделаться и не смогла. Как только бросала взгляд на доску — мысленно считала, сколько у кого.

Вспоминаю, как в Бадене, играя с Кересом в рулетку, у меня жетон укатился под стол. Я, забыв приличия, полезла его искать. Крупье, укоризненно на меня посмотрев, промолвил: «Madame...» Я была очень смущена. После случившегося сразу пошла домой. Паул меня ругал, говорил, что я его скомпрометировала. Позже рассказал мне и Петрову, что он выдумал бесприигрышную систему игры в рулетку. Он действительно часто выигрывал. Когда я попросила его познакомить меня с ней, он сказал, что это не женского ума дело. Позже он открыл секрет своей системы, но «работал» тот только на него.

На отдыхе в августе 1938 года.

Мечты о поездках просто так

Вспоминаю весенний Париж... Недалеко от Лувра было кафе «Режан». Каждую свою свободную минуту я бегала в Лувр, а Петров — в эту кафешку. Я туда зашла только один раз. Небольшие, но уютные комнатки. Слышала, что в этом кафе играли в шахматы Робеспьер, Наполеон, когда еще не был императором. Оказалось, что там играют в бридж. Петров был прекрасным бриджистом и даже участвовал в турнирах от команды Латвии. Он увлекался этой игрой, пожалуй, не меньше, чем шахматами. Пытался и меня приобщить к этой игре, но... так же безнадежно, как и с шахматами.

В Париже Петров познакомил меня с французским шахматистом Николя Россолимо. Я очень удивилась его фамилии, ибо он, как мне сказал, русского происхождения. Сейчас я уже не помню его объяснений, почему у него такая фамилия. Но по-русски он говорил довольно хорошо, хотя и с акцентом. Намного лучше, чем я по-французски, и поэтому общались мы на русском. Это был еще молодой человек, стройный и симпатичный. С ним мы встречались еще на каком-то турнире, по-моему, в Маргете.

В Стокгольме мы с Петровым как-то поехали за город. Сидели на больших камнях, на другой стороне был Стокгольм. День был чудесный. Мечтали о будущей нашей совместной жизни. Я, помню, сказала, что как бы хорошо было попутешествовать, куда-нибудь просто так, без турниров, поехать. «Ты бы куда хотела?» — спросил Володя. В то время я готовилась к экзамену по истории Египта, много читала. Египет меня очень заинтересовал — раскопки, пирамиды... «А я бы хотел объездить всю Россию. И Кавказ, и Крым, и Сибирь! Ведь мы ее совсем не знаем, только по литературе». Этому суждено было сбыться. И если не всю Россию объездил Володя, то с Севером познакомился.

Очень хорошо и тепло было с семьей Эйве. У них было две дочурки, одну хорошо помню — белокурая девчурка. Я обещала ему и жене приехать к ним просто так в гости, но обещание так и не выполнила...

В Вене жили у шахматиста Шпильмана. Все были очень озабочены — это было время «присоединения» Австрии к Германии. Шпильман жил один, завтракал только хлебом с джемом, говорил, что большее себе позволить не может. Комната довольно запущенная, видно, материально ему жилось трудно. Был он к нам очень мил. О Гитлере и Германии избегал говорить, видно, там уже боялись высказывать свое мнение. В Вене в замке Володя умилялся любовью кронпринца Рудольфа и Марии Вечера. Об их самоубийстве сказал, что он бы тоже так сделал, если бы нас разлучили. (Не думаю, он не был таким сильным романтиком. Сказал скорее ради красного словца, это у него было. И я уже тогда в душе часто ему не верила.) Были в лунапарке, выиграли большого медведя. Когда сходила с ним в Риге на пристани — он зарычал, в связи с этим были какие-то неприятности на таможне. Катались на паровозе Шнейдера. Поднялись на панорамном колесе, а когда мы были на самом верху, его остановили. Долго по каким-то причинам не могли его запустить, очень замерзли.

А вот от Лондона у нас осталось довольно мрачное впечатление. Удручал какой-то вечный туман. Слишком серьезным, спокойным показался город, он был чужд нашим русским душам. Париж и даже Вена, когда жили у Шпильмана, были куда ближе. Помню предостережение, которое дали лондонские друзья Володи: говори что угодно и кому угодно, но королеву не трогай. Там купили Володе костюм, а мне светлый плащ, который к концу дня стал серым и пыльным (как я думала — от вечных туманов). Что только не происходило с этим «легендарным» плащом и со мной в нем: в Испании он был проткнут во время боя быков, потерян и найден случайно, через два дня в Праге, и в конце концов сожжен на «комерше» в Лиелварде у Синайской. Фотография Менчик и других шахматистов была сделана в Лондоне у Пунги.

Буэнос-Айрес — последняя олимпиада Петрова

Это была самая большая и долгая поездка латвийских шахматистов за все время существования латвийских шахмат. Дорога на олимпиаду пролегла через Голландию, Бельгию и Атлантический океан. Аргентина в качестве устроительницы олимпиады заказала специальный пароход, на котором в Южную Америку поехали все участвующие в состязаниях европейские команды. Назывался этот пароход «Пириаполис». Плавание продолжалось почти месяц, и это только в одну сторону. Пароход останавливался в бразильском порту Пернамбуко, Рио-де-Жанейро, Сантос, столице Уругвая Монтевидео и других городах.

— Если бы «Пириаполис» столкнулся с плавучей ледяной горой, — шутил Петров, — то в Европе не осталось бы ни одного хорошего шахматиста...

В Буэнос-Айрес «Пириаполис» прибыл с небольшим опозданием рано утром 21 августа. Столица Аргентины встретила шахматистов характерной для местной зимы температурой — плюс 10–12 градусов по Цельсию. наших шахматистов поместили в Avenida Palace Hotel.

Петров на олимпиаде достиг лучших результатов за первой доской (впервые Владимир за все участия в олимпиадах не проиграл ни одной партии и таким образом смог участвовать в личном зачете. Не проигравших ни одной партии за первым столом было всего трое: Алехин, Капабланка, Петров). Золотая медаль за это была, однако, присуждена экс-чемпиону мира Капабланке. Дело в том, что Капабланка несколько раз не участвовал в матчах своей кубинской команды: в полуфинале он сыграл только 5 партий, в отличие от Петрова и Алехина (по 6 партий), а в финале — 11 с шестью победами. Он не играл против Алехина, Кереса, Элисказеса, Тартаковера.

Несмотря на то что Капабланка сыграл за команду 16 партий и набрал всего 11,5 очка, южноамериканские организаторы олимпиады присудили медаль ему. А все потому, что они решили засчитывать только партии, сыгранные в финале, и там рейтинг у Капабланки оказался самый высокий — 77,3%. Алехин сыграл тоже 16 партий и набрал 12,5 очка, но в финале у него было только 10 партий и пять побед. У Петрова было в финале, как и у Капабланки, тоже 6 побед, но он сыграл 13 партий в финале, что, безусловно, понизило его рейтинг, и 19 партий за всю олимпиаду, набрав 13,5 очка. В отличие от своих визави Петров не мог себе позволить пропускать игры, интересы команды у него стояли на первом месте.

В итоге, не без помощи «хитрых подсчетов», Капабланка оказался первым, Алехин — вторым (хоть у него и был самый высокий общий рейтинг — 78,1%), Петров — третьим. Кстати, это была первая и последняя олимпиада, в которой участвовал Капабланка, и то, судя по всему, «благодаря» нерешенному вопросу о миро-

вом первенстве с Алехиным. Петров на олимпиаде не играл только одну партию в финале в восьмом туре. Эту игру он пропустил по просьбе Алехина: чемпион мира просил нашего гроссмейстера не играть с ним, обещав в виде компенсации в матче с Латвией дать возможность «отдохнуть» второму лучшему французскому игроку Громеру. Таким образом, Латвия победила Францию со счетом 2,5:1,5, а Алехин уберег свои проценты в личном зачете. В своей полуфинальной группе Латвия была первой, в финале среди 15 участниц наша сборная заняла седьмое место.

После получения известия о начале войны в Буэнос-Айресе стали циркулировать самые фантастические слухи, которые раздувала местная печать. Уже 2 сентября, на следующий день после начала военных действий, в Буэнос-Айресе стало известно, что «Варшава взята штурмом». Среди шахматистов началось смятение. Достаточно сказать только, что около 40 процентов европейских участников уехали домой, чтобы понять, какое волнение царило на олимпиаде. Кересу, как и Петрову, предложили ряд выгодных ангажементов, и он одним из первых решил свое возвращение отложить. Растерявшийся латвийский маэстро Фейгин опасался транзита через некоторые государства и решил повременить с поездкой. Шведские шахматисты уехали на своем пароходе, норвежцы — на своем. Все германские участники олимпиады, опасаясь быть высаженными в Англии, остались в Буэнос-Айресе. Из участников польской команды Тартаковер и Регедзиньский ехали в Европу на одном пароходе с латвийской командой — «Копакобана», плывшем под бельгийским флагом. Тартаковер направился в Париж, а Регедзиньский — в Лодзь, где у него были жена и трое детей.

Поэтому как руководитель команды Володя привез с собой не всех участников команды. Маэстро Фейгин остался в Аргентине. Это стало возможным лишь по одной причине: латвийской команде на этот раз не делали общий командный паспорт и все ехали по своим паспортам.

Те двенадцать шахматистов, которые остались, провели турнир в Буэнос-Айресе, те же, кто отказался от ангажементов и решил возвращаться домой, провели быстрый турнир в Розарио. Петров занял там первое место, сыграв только одну партию из семи вничью с Элисказесом, остальные выиграли.

Кому нужен хлопок

«Копакобана» — товарно-пассажирский пароход. Помимо шахматистов, он вез апельсины, кофе, а главное — 5000 тонн хлопка. Кроме того, «Копакобана» захватила с собой команду германского парохода, потопленного где-то у Монтевидео английским судном «Аякс». Капитан «Копакобаны» согласился взять с собой эту команду потому, что она состояла из венгров, голландцев и бельгийцев. По дороге капитан рекомендовал единственному германскому подданному пассажиру где-то высадиться. Вскоре «Копакобана» была задержана у берегов Европы англичанами и отправлена для осмотра в Веймус. Когда англичане выяснили принадлежность хлопка, а он был адресован какой-то швейцарской фирме, пассажиров «отпустили». Четыре дня шахматисты сидели в Веймусе на своем пароходе, а потом им любезно предложили сесть на катер и переправиться на другой пароход — «Перс», который

за четыре дня прошел расстояние, на которое обычно тратится 8–9 часов, и доставил их в Антверпен.

Путешествие по Северному морю протекало без приключений, если не считать калейдоскопической смены лоцманов, ограждавших корабли с минными районами, и от впечатлений пассажиров при виде потопленных пароходов разных государств. Пароход «Перс» осторожно шел по более мелким местам. То и дело встречались торпедные корабли, носы которых торчали из воды.

За партиями в бридж время проходило сравнительно незаметно. Но пробковые жилеты, все время лежавшие рядом с каждым пассажиром, ежеминутно напоминали о том, в каких условиях проходит путешествие.

Несколько раз капитан устраивал ложные тревоги, и пассажиры парохода надевали спасательные пояса и садились в шлюпки...

Лишний чемодан

Володя пережил приключения не только по дороге, но и в самой Риге. Мы — я, несколько Володиных знакомых и пара шахматистов — два раза в день ходили на вокзал встречать поезд, но ночной, на основании каких-то расчетов, пропустили. А участники латвийской команды приехали именно этим поездом. Выйдя из вагона, они увидели только одного рижского шахматиста, известного тем, что он днем спит, а ночью бодрствует... Вот он, совершая в два часа ночи «обеденный» моцион, завернул на вокзал. По своей рассеянности он, конечно, забыл сообщить Володе, что за время его отъезда я сменила квартиру... Темной ночью Петров отправился в Пардаугаву, звонил и стучал в свою дверь, но никто не открывал. Добравшись до ближайшего телефона и разбудив одного из друзей, Петров задал ему вопрос:

— Случайно не знаешь, где я сейчас живу?

Чтобы облегчить мне с дочуркой жизнь — а Володя вернулся домой только через 15 недель, — его друг и бывший школьный товарищ Сергей Ефимович Карцев предложил квартиру в своем доме по улице Матиса. Ночной сторож дома отнесся к Петрову с подозрением.

— Из Америки приехали? Знаем мы таких.

Чемоданы все же заставили сторожа открыть дверь. Он не спускал глаз с Петрова до момента, когда начались объятия и поцелуи. Только после этого смущенный сторож вернулся на свое место.

Петров вместо золотой медали привез с собой... косметический диплом, выданный в Париже какой-то даме... Произошло это таким образом. Во время ночной пересадки в совершенно затемненном Кельне пропали вещи. Во мраке их невозможно было найти. Когда носильщик наконец разыскал чемоданы

У нас в гостях моя сестра Туся.

и принес их в вагон, то к вещам Петрова прибавился лишний коричневый чемодан одной из пассажирок, ехавшей в Балтийские государства. Петров решил этот чемодан взять с собой и нашел в нем диплом и другие предметы. Чемодан принадлежал парикмахерше из салона «Мах» на улице Бривибас. Она заканчивала курсы в Париже. Позднее чемодан был ей отдан мной лично в руки.

Недолгая счастливая жизнь

Яркой, интересной и счастливой была наша короткая совместная жизнь. Я сопровождала мужа на все его шахматные турниры. Мы много ездили, многое видели, встречались с интереснейшими людьми. Незабываемыми остались у меня встречи с Алехиным, Эйве, Флором, Капабланкой, Кересом. Со многими мы подружились. Сейчас, перелистывая страницы прожитой жизни и вспоминая всю свою безжалостно загубленную семью, рана вновь кровоточит и боль не утихает.

По натуре Володя был хорошим семьянином. Как он хотел, чтобы я находилась рядом, когда он сидел над анализом каких-то партий! «Ты хоть вязать научись, вышивать, что ли! Вот как хорошо будет, будешь рядом со мной!» А я доказывала, что я не способна на это. Я пыталась, правда, но из кофточки, которую вязала для дочурки, пришлось по совету Володи сделать на кофейник колпак.

Володя очень любил покушать, был большим гурманом. Ел с аппетитом, перед рюмочкой с холодной водочкой потирал руки, выпивал с шуточкой-прибауточкой так, что, глядя на него, как говорили друзья, — развивался аппетит.

”

Володя очень любил дочь. Без конца ее фотографировал. Завел целый альбом. Правда, хотел сына. И я ему пообещала, что сын будет, как только он бросит шахматы. Часто уговаривала его это сделать. Заживем спокойно, без нервозности. Обещал. Не знаю, если бы по-другому сложилась жизнь — выполнил бы? Господи, милыми шутками кажется это в конце жизни.

”

**В гостях у дяди германа в Гамбурге.
Он-то и стоит на голове...**

**Мой отец Михаил Михайлович
Зенец и мама Александра Зенец,
позднее - Лобовикова.**

Мы часто обедали или ужинали в ресторане. Цены были невысокие, и мы могли себе это позволить. Причем каждый ресторан или маленький уютный ресторанчик в Риге имел свое фирменное блюдо, которым славился. А так как их было несметное количество, то поле для «деятельности» было огромным.

Да, это была счастливая жизнь, счастливая до 1941 года, пока к семье зловеще не потянулась рука сталинских палачей.

” Будучи министром финансов Пунга несколько раз был в СССР. Привез бабушку. Она рассказала, как ее допрашивали и истязали за сыновей (Ваню, Женю, Анатолия). Привез Липу, уговаривал ее остаться. Она не согласилась из-за Тукачева (он ее потом бросил). Когда назначили консулом в Москву — его не утвердили. Переназначили в Витебск. В Омске дядя Герман попал в руки Красной армии. Целую группу вели на расстрел. Часть расстреляли, но вдруг ворвались «белые» — и дядя Герман остался жив.

”

Вечная память тебе, дядя Герман!

Первой жертвой стал муж сестры Петрова. Он был арестован в Риге, и след его затерялся в подвалах КГБ на улице Стабу, где позже, когда ушли немецкие войска, во дворе была найдена его фотография в тюремной одежде. Затем был арестован мой дорогой дядя — Герман Андреевич Пунга (муж мамыной сестры).

Его светлой памяти я не могу не посвятить несколько строк. Это был интереснейший человек с яркой, незаурядной биографией. Латыш по национальности, уроженец Лиепайи, он был в свое время видным социал-демократом, много времени проводил за границей, не раз был арестован, отправлен в ссылку, откуда успешно бежал. Судьба свела его с секретарем Л. Н. Толстого Чертковым, дружба с которым продолжалась 15 лет. Вместе с ним дядя отправился в Англию, некоторое время был воспитателем сына Черткова — Димы. Там, в Англии, при поддержке друга он получил высшее образование и стал видным инженером. Был он знаком и с Толстым. Не раз бывал у него в Ясной Поляне. В свое время печатались воспоминания Пунги об этом периоде его жизни. Когда дядя был арестован и сидел в Варшавской тюрьме — о его освобождении хлопотала семья Толстых. Я помню на письменном столе дяди фигуру Толстого, опирающегося на посох с дарственной надписью «Дорогому Герману Андреевичу Пунга от Льва Толстого».

В Англии в доме Черткова дядя познакомился с сестрой моей матери — Еленой Христофоровной. Когда они поженились, то уехали на Урал, где Пунга стал директором знаменитых стекольных заводов Пашковых. Мои детские воспоминания начинаются с Урала, и связаны они с семьей Пунга, к которым мама со мной и моей сестрой приехала гостить. Время было беспокойное. Здесь нас и застала революция. Мой отец — Михаил Михайлович Зенец, инженер-путеец, был сыном известного в Санкт-Петербурге профессора медицины. Он заведовал портом в Феодосии, мы с ним были разлучены, и его я почти не помню. Отец погиб, и наша судьба стала неразрывно связана с семьей дяди, который нас и привез в 1921 году

**Единственная
сохранившаяся
фотография моего
горячо любимого дяди.**

”

*По возвращении
Володи домой после
чемпионата СССР
много раз слышала
фразу: «Все,
кто играл в России
первый раз,
проваливались —
там совсем другой
стиль игры».*

”

в Латвию. Пунга стал министром финансов в правительстве Чаксте, а затем перешел на дипломатическую службу в СССР, Германии, Англии. В Латвию вернулся в 1939 году, выйдя на пенсию. Его арестовали в начале 1941 года. Скончался он в Рижской центральной тюрьме 22 апреля 1941 года (только в середине девяностых Галине Михайловне удалось получить его свидетельство о смерти. — В. Д.). От человека, сидевшего с ним в одной камере, узнали, что после допросов дядю вносили полуживым. Можно себе представить, какие меры воздействия к нему применялись, тем более что был он человеком известным. После одного из допросов Пунга в камеру не вернулся... Осудить его не успели, видно, замучили до суда.

18 октября 1996 года около Рижской центральной тюрьмы поставлен крест на символической могиле замученных, убиенных, скончавшихся в тюремных застенках. Там всегда чьей-то рукой положены цветы. Вечная память и тебе, дорогой дядя Герман!

Его арест всех нас глубоко потряс, и страх за остальных членов семьи больше не покидал ни на минуту. Кто же будет следующим? Эта мысль сверлила рассудок, лишала сна, мешала жить и свободно дышать.

Показуха длиною в век

В 1940 году вместе с аннексией Латвии начался и новый поворот в шахматной жизни страны. После первого года советской власти еще не было полной ясности о будущем, но Петров, как шахматист, видевший на несколько ходов вперед, почувствовал, что теряется возможность представлять Латвию на международной арене. Но тем не менее открывался шахматный мир доселе неизвестной Советской России. Лучше бы он его не знал.

”

После первого приезда из Москвы Петров рассказывал: «Пошел в баню. Банщик парил веником. «Барин (назвал меня «барином»), а вы, видно, не наш. Откуда приехали?» Я удивился: почему он решил, что я откуда-то приехал? «А у нас с крестом тут никто не ходит, да еще в общественных местах...»

Володя сказал мне: «А я об этом даже не подумал. Да и не стану же я снимать крест и прятать его, даже в бане».

”

”

Не помню, где и при каких обстоятельствах познакомилась с женой Ботвинника — Гаяной, но помню ее объяснение, почему они с мужем никогда не ездят поездом. Если вдруг произойдет авария — один может погибнуть, другой остаться в живых, а при авиакатастрофе погибнут вместе.

”

Шарж Юрия Юзупчука во время 12 чемпионата СССР, советского карикатуриста, позднее, так же арестованного и погибшего в сталинских лагерях.

тогда решение допустить в финал еще четверых: двоих, разделивших в полуфиналах второе место, но имевших худшие дополнительные показатели, а также не участвовавших в отборе Б. Верлинского и Ф. Богатырчука. В знак протеста П. Романовский и С. Готгильф (оба победили в своих группах) отказались играть в финале. Другие их не поддерживали. Более того, подвергли резкому осуждению, заставили писать покаянные письма. И все же этот поступок ленинградских мастеров украсил их биографии, а значит, и историю советских шахмат. В сороковом году не протестовал никто.

Владимир Михайлович на этом чемпионате занял только 10-е место.

На вопрос, как он сам, доволен ли своими результатами на чемпионате, с улыбкой отвечал: «Если гениальный Керес, когда впервые дебютировал в Москве в 1939 году, смог достигнуть только 12–13-го места, на этот раз показал прогресс и поднялся на 4-е, — потому, кто уже на первом заходе достиг 10-го места, нечего больше и желать».

Так как три балтийские страны вошли в состав СССР, на XII чемпионате СССР произошли серьезные изменения.

Оказывается, участие прибалтийских шахматистов сыграло злую шутку с мастером Леонидом Шамаевым. Он занял в первенстве города 2-е место, и в апреле газета «64» назвала его в числе участников XII чемпионата СССР. Спустя два месяца в бюллетене киевского полуфинала был изображен символический трамвай № 12, среди пассажиров которого был еще и Шамаев. Но летом Прибалтика стала частью СССР, и чемпионов Латвии, Литвы и Эстонии обязали играть в главном турнире страны. Кем-то из участников надо было пожертвовать, и крайним почему-то оказался Шамаев, а не Рагозин, занявший в том первенстве Ленинграда более низкое место...

Всесоюзная шахматная секция приняла

”

Из Ростова мне от Володи пришло письмо, об этом свидетельствовало извещение в почтовом ящике. Ригу сильно бомбили, приходилось долго отсиживаться в бомбоубежище в доме по ул. Матиса, 40/42, где я жила. Решила уехать на дачу в Смарде, к друзьям Кнохам. Володино письмо ко мне (видно, последнее) так и не удалось получить.

”

Конечно, от него, обладающего солидными знаниями и прекрасным пониманием позиции, ждали большего. Он потерял душевное равновесие после проигрышей Болеславскому и Смыслову, хотя обе эти партии были доведены им до выигрышной позиции. Иначе бы он занял более высокое место.

” *Рагозин, увидев
крест на Володе,
не пошел в его
компании в ресторан.* ”

Двенадцатое первенство оказалось переломным. Новые звезды засверкали на шахматном небосклоне Советского Союза. Ботвинник, единственный видимый претендент от СССР на мировую корону, занял только 6-е место. Но он вернет себе «престол» — не в следующем чемпионате, а в свалившемся, как снег на голову, матч-турнире шести победителей XII чемпионата за звание абсолютного чемпиона СССР, который устроят вместо упомянутого им «матча на первенство СССР между двумя победителями турнира». Интриги с появлением на свет этого эпохального соревнования заслуживают отдельной книги...

Публично Петров называл причиной своей неудачи на чемпионате СССР «плохую тренировку и постоянные цейтноты», но это была не вся правда. Конечно, после разговоров с Флорами о Москве, о том, что там надо бояться каждого своего слова, что там всё подслушивают, всё выведывают, что надо бояться каждого нового человека, с кем встретишься, у Володи, довольно мнительного, выработалось недоверие и замкнутость ко всему советскому.

Еще раз вспоминаю, как после приезда из Гамбурга рассказала Петрову о том, как советский консул Терлецкий пригласил дядю Германа на советский пароход, и в каком я была восторге от увиденного (показывала книгу «Как закалялась сталь», которую подарил мне Терлецкий и которую мы позже вдвоем прочитали). Володя задумался и сказал: «Думаю, что все это — показуха. Ведь мы ничего не знаем об этой стране. Все слухи, слухи и слухи... Как бы я хотел сам все увидеть, познакомиться и понять». Мечта сбылась... Все сам увидел и со всем познакомился.

«Не отрываясь от производства»

Перед поездкой на XII чемпионат СССР Петров все же решил на активное участие в реорганизации Латвийского шахматного союза, но по возвращении его к участию в работе по организации шахматной жизни страны не допустили.

Из Ленинграда Владимир Михайлович привез несколько предложений. Одно из них — матч по переписке Ленинград — Рига или турнир городских профсоюзов. Второе — сразу после Балтийского командного первенства организовать состязание Ленинград — команды Балтийских ССР в составе 20 шахматистов. Всему этому не суждено было сбыться. Петров был за бортом... У него быстро появилось представление об ожидаемой политико-общественной жизни в Советской Латвии. Он был просто поставлен перед уже утвержденными направлениями развития шахмат при новом руководстве.

Но ограничение пока было только в вопросах руководства. Петров также продолжал участвовать во всех шахматных турнирах республики, но... уже «не от-

рываясь от производства». Первый шахматный чемпионат ЛССР проходил в зале Рижской биржи. Как говорил Петров прессе, огромную жертву взяли они на себя с рижским мастером Л. Дрейбергом, участвуя в таком серьезном состязании, не прерывая основной работы. Дрейберг — инженер-химик,

4 января 1940 года - первая свадьба в новом году! Сотрудник центрального ЗАГСа - Владимир Петров.

и на турнир он приходил прямо с фабрики. Петров на турнир приходил прямо из загса, где он работал заместителем заведующего. Конечно, высоких спортивных достижений в таких ситуациях никто не ожидал. Да и рассматривал поначалу Володя эти соревнования как тренировку, а когда опомнился, было уже поздно. Надо учитывать и то обстоятельство, что кроме всего Петрову приходилось заниматься и серьезной теоретической работой: анализом партий XII чемпионата СССР для книги Левенфиша. Все это, как закон, очень плохо повлияло на игру — только четвертое место.

В 1941 году Владимир Петров стал руководителем шахматного отдела самого популярного латвийского журнала «AtpUta». В этом факте примечательна интересная последовательность: первым шахматным отделом в этом журнале до самой смерти руководил Херманис Матисонс (1-й латвийский мастер); после него несколько лет, до неизлечимой болезни, этот отдел вел Фрицис Апшениекс (2-й латвийский мастер) и, наконец, на совсем короткое время — Владимир Петров (3-й латвийский мастер).

Он уезжает навсегда...

Вскоре после ареста Пунга в мае 1941 года Петрова пригласили на шахматный чемпионат СССР в Ростов-на-Дону. То ли предчувствие что-то подсказывало, то ли тревожные события удерживали, но ехать на этот раз ему очень не хотелось. Об этом рассказывала и сослуживица Володи по загсу. Я же сопровождать его не могла, так как у меня были государственные экзамены, и судьбе было угодно, чтобы он поехал один. Муж как-то особенно долго прощался, наказывал следить за здоровьем, не переутомляться, беречь дочурку. И вот я смотрю в окно,

как он садится в машину, затем вдруг возвращается, просит дать с собой теннисную ракетку, хочет, как говорят, сразиться с Кересом. Целует, перекрестил нас большим золотым нательным крестом, который носил на груди, захватил с собой мою фотографию с грудной Мариной на руках, прощается и уезжает. Уезжает навсегда... Его последние сказанные мне слова были: «Вот вернусь, а ты уже будешь у меня с дипломом магистра. Смотри, без меня не отмечай. Отпразднуем вместе. Жди большого подарка» ...Домой ему не суждено было вернуться. Нас разлучила война...

Будь проклят этот 41-й год! В этот год была загублена моя семья, с этого года начались годы страданий и мук.

Полуфинал в Ростове-на-Дону уже перевалил за серединную отметку. Впереди были решающие бои. Наступило воскресное утро 22 июня. Одни участники доигрывали затянувшиеся поединки, другие готовились к партиям очередного тура, когда в 12.00 радио сообщило: «Война!»

Довести соревнования до конца, как это успели сделать шашисты, проводившие здесь же, в Ростове, полуфинал своего всесоюзного первенства, не удалось. Это оказалось невозможным. Участники — военнослужащие Красной армии сразу возвратились в свои части. Военнообязанные запаса заспешили прибыть к местам приписки. Да и вообще было как-то не до игры, особенно для шахматистов Прибалтики и западных областей Украины — им уже в первые дни войны были отрезаны пути домой. После 8-го тура было официально объявлено, что игры прекращаются.

Моя фотография с грудной Мариной на руках, которую Володя взял с собой и которая вернулась ко мне через 56 лет...

Володя вместе с Кобленцом и административным представителем Янис Фриде добрались только до Великих Лук. Их сняли с поезда, дальнейший путь в Латвию им был уже закрыт.

Первая высылка

Следующими жертвами стали мои горячо любимые родители. Мама в 1929 году вышла замуж за доктора Николая Васильевича Лобовикова, и мы приехали в город Резекне, где он жил и работал. Доктор мне и сестре заменил отца. Его мы искренне любили, и ему я обязана за всю свою светлую, счастливую юность, за образование, которое он мне дал, за теплый, родной отчий дом... Их забрали 14 июня 1941 года из города Резекне. В этот день от прежней жизни не осталось и следа, все было безвозвратно разрушено...

На время своих экзаменов я отвезла дочурку Мариночку к родителям в Резекне. Перед последним экзаменом было четыре свободных дня, и я решила на денек ее навестить. 13 июня вечерним поездом я выехала из Риги и рано утром была в Резекне. По дороге со станции я, к своему удивлению, увидела один за другим ехавшие грузовики, переполненные людьми с какими-то узлами, мешками, тюками. Тут были мужчины и женщины, старики и дети. Многие плакали. Ничего не понимая, я остановилась как вкопанная, увидев среди ехавших в грузовиках знакомых и друзей. Что случилось? Куда везут? Почему везут?

Бросилась бежать домой, нахлынуло мрачное предчувствие беды. Николай Васильевич был на операции в больнице. Мама, несказанно обрадованная моим приездом, направилась на кухню готовить мне завтрак. Дочурка сладко спала. Об увиденном в городе, чтобы маму не волновать, ничего не сказала. В это время раздался резкий звонок у дверей. Пошла открывать... Передо мной стояли военные в синих фуражках. Перед домом — грузовик, в нем несколько солдат с ружьями. Все помутнело в глазах.

Спросили дочку, послали за ним в больницу. Велели позвать мать, стали производить обыск. Мама звонка не слышала, позвать я ее не успела, и она, ничего не подозревая, улыбающаяся вошла в комнату, неся мне завтрак, как сейчас помню, яичницу. Долго потом я

не могла забыть ужас в ее больших серых глазах, когда она увидела меня среди этих синих фуражек. Привезли доктора, дали 40 минут на сборы, упомянули, чтобы взяли теплые вещи, так как едут не на курорт, и зачитали постановление о высылении из Латвийской ССР доктора Лобовикова, А. Х. Лобовиковой и Марины Петровой. Что было потом? Позже я долго пыталась восстановить в памяти, что же было дальше. Пыталась доказать, что в постановлении допущена ошибка, что Марина — это моя двухлетняя дочь, а я — Галина Петрова (кстати, ничем я это доказать не могла, т. к. документов у меня с собой не было). Просила оставить дочь или взять меня вместе с ними, но, оказывается, на это у них ордера не было, а мое желание ехать вместе следует оформить по месту жительства и прописки, т. е. в Риге. Их увезли... Я осталась в развороченном доме, шел дождь, металась из комнаты в комнату и выла собака... В столе у доктора я нашла папиросы, впервые закурила. Куда бежать, где их искать? Кого попросить ждать в доме на случай, если привезут дочь? Голова закружилась, силы оставили меня, стало тошнить.

И вдруг раздался телефонный звонок. Приглушенный женский голос, узнав, что я дочь, поведал, что на станции Резекне-2 стоит эшелон и к нему подводят людей, среди которых были и Лобовиковы. Спотыкаясь, плача, я как безумная бросилась бежать на станцию. За мной помчалась наша собака — красавец-дог Ло, любимец всей семьи. На станции действительно стоял длинный-длинный состав мрачных вагонов-теплушек с решетками на крохотных окнах. Казалось, нет ему конца. Вдоль эшелона разгуливали вооруженные охранники, к вагонам подходить не разрешалось. Один за другим подъезжали грузовики, охранники высаживали и распикивали по вагонам людей. Боже, сколько знакомых лиц! Похоже, весь город свезли сюда. Я металась вдоль состава, пытаюсь узнать, в каком вагоне мои родители. Охрана меня отгоняла, отгоняли и собаку, которая с налившимися кровью глазами, рыча и лая, носилась вдоль эшелона, порой бросаясь на охранников. Я думала, ее пристрелят.

Доктор оказался в одном из первых вагонов, об этом мне крикнул в окошко

” **=====**
*Вспомнила, как
не брала деньги
за два месяца
его работы в Москве
и как домой пришли
из радио, просили
взять так как
Москва настаивает
(им, видите ли,
надо отчитаться).
И я сдалась,
ибонадоели!
Чек на сумму его
жизни сохранила.*
=====

друг нашей семьи — начальник Польского отдела Латвии Антон Антонович Таллат-Келиш. Они были вместе. Его жена, Ольга Алексеевна, директор польской гимназии в Резекне, с дочерью тоже находились где-то в этом эшелоне. Мужчин отделили, и они ничего не знали о своих женах и детях. Позже Таллат-Келиш скончался в Ветлаге на руках доктора Лобовикова.

Мама с Мариной оказалась в одном из последних вагонов. Не помню, к кому обращалась, к кому бегала, кого молила отдать дочь, но кто-то надо мной сжалился, и дочь мне выдали. То, видно, была воля Всевышнего, которая привела меня в этот роковой день 14 июня в Резекне и помогла спасти дочь. Я бросилась с ребенком

”

прочь, так и не попрощавшись с родителями, не сказав последнего слова, не дождавшись отправления эшелона. Как потом рассказали очевидцы, собака понеслась за уходящими вагонами.

В дом я не вернулась, там так все с открытыми дверями и осталось, а затем кем-то было национализировано. Первым же поездом уехала в Ригу. Началась война. В Латвии уже были немецкие войска. Прошло несколько недель, и вдруг мне позвонила из Резекне друг нашей семьи — владелица аптеки Московская и сообщила, что, открывая утром аптеку, увидела на пороге подыхающего Ло. Как долго собака бежала вслед составу, какие пути-дороги пересекла, где безнадежно потеряла след своих хозяев? Даже собака не могла смириться с ужасом произошедшего. Так, тоскуя по своим любящим и заботливым хозяевам, погиб наш красавец Ло.

Любимый город Резекне — где я училась, окончила гимназию, где была моя свадьба, где я была безгранично счастлива — стал для меня самым зловещим местом на земле на всю оставшуюся жизнь.

Турниры военного времени

В кулуарах XII чемпионата СССР: Владимир Петров, Василий Смыслов, Пауль Керес, Яков Рохлин и Владас Микенас.

” В Свердловске
Н. Кузнецова
с мужем
встретили Петрова.
Он жил в гостинице,
к себе не позвал.
Был элегантно
одет и выглядел
очень хорошо.

”

А в это время гроссмейстер Петров находился в СССР, участвовал в турнирах, брал призы и ничего не знал о случившемся с его семьей.

Первым крупным турниром во время войны, бесспорно, являлся чемпионат Москвы 1941 года, который проходил в ноябре-декабре. Несомненно, турнир по своей сути был больше политической акцией,

чем спортивным мероприятием. Чемпионом Москвы стал Мазаль, Владимир был вторым. По данным В. Г. Поварова, в сентябре в Москве был намечен матч между Алаторцевым и Петровым, но кроме того, что первую партию отложили, в прессе того времени других сведений найти не удалось.

Второй большой международный турнир военного времени проходил с 17 февраля по 12 марта 1942 года в Москве. В нем участвовали восемь мастеров в два круга. Первое место занял Бондаревский, второе — Петров.

С 22 марта по 10 апреля 1942 года в Свердловске проходил турнир с участием шести мастеров и пяти перворазрядников. В основном борьба за первое место шла между Болеславским, который был фаворитом, и Рагозиным, оказавшимся в прекрасной форме, несмотря на то что он только за две недели до турнира приехал из осажденного Ленинграда. В итоге Рагозин — первый, Петров — второй.

Участие в этом турнире оказалось последним в шахматной карьере Владимира Михайловича Петрова, во всяком случае больше упоминаний о его шахматной деятельности ни в прессе, ни со слов очевидцев не было. Через четыре месяца, в августе, его арестуют. По непроверенным данным, его вывели прямо из-за шахматной доски во время какого-то турнира. Что это был за турнир или соревнования, разузнать мне так и не удалось.

Автобиография Владимира Михайловича Петрова при поступлении на работу литературным сотрудником отдела писем Радиокomiteта при СНК СССР:

«Родился в городе Риге 27 сентября 1908 года в рабочей семье. Отец работал на обувной фабрике. В 1925 году окончил среднюю школу, в том же году поступил на юридический факультет Латвийского университета, который окончил весной 1940 года. Учебой занимался с перерывами по материальным причинам.

С 1924 года занимался трудовой деятельностью разного рода, главным образом — частными уроками. С 1929 года занимался журналистикой, преимущественно спортивно-шахматного характера. С 1933 по 1941 год работал в самоуправлениях города Риги, занимая разные должности, в последние годы работал по организации органов «Загс» на территории Латв. ССР. В 1926 году добился звания мастера по шахматам, с этим тесно связаны все дальнейшие этапы жизни: участие в международных турнирах и олимпиадах в разных государствах Средней и Западной Европы и Америки.

С 1940 года участвую в турнирах СССР. Сотрудничал и работал в Латв. ССР в газете «Пролетарская правда», журнале «Атлута», в Москве: в «Шахгазете 64», «Шахматы в СССР», «Красный спорт», «Московский большевик», в английском журнале «Chess».

”

Кобленц со мной не здоровался. Его фраза: «Петров был хорошим шахматистом, но плохим человеком...» Возможно, это его суждение. Ведь «человек не солнышко, всех не обогреет».

”

В сентябре 1941 года поступил добровольцем в формировавшуюся латвийскую дивизию под г. Горьким. Был уволен за невозможностью использования в рядах РККА и оставлен на общественной работе с отсрочкой от призыва до 31.12.19.. (последние две цифры уничтожены дыроколом). С 1 января 1942 года по 15 июня 1942 года работал в Моск. г. с. «Динамо» в качестве помощника коменданта. Женат. В политических организациях не состоял.

Москва 18 июня 1942 года. В. М. Петров».

Руша стену забвения

В заграничных каталогах даты жизни Владимира Петрова указаны неверно. Основываясь на данных официальных учреждений, сегодня мы можем эти сведения уточнить: Владимир Михайлович Петров, русский, родился в Риге 27 сентября 1908 года; умер в советском концлагере (у Котласа) 26 августа 1943 года.

Один из самых выдающихся шахматистов Латвии был и до сих пор остается в истории шахмат «persona non grata».

С осени 1942 года в СССР закономерно начал действовать «механизм забвения» имени Владимира Петрова. К примеру, в статье о шахматных соревнованиях 1942 года имя Петрова среди участников двух московских и свердловского турнира

Чествование 6-м Рижским полком. Подаренный Петрову письменный комплект оказался чуть позднее на столе одного начальника Минфина.

даже не упомянуто. Когда читаешь о соревнованиях в Свердловске, создается впечатление, что второе место на турнире вообще не присуждалось.

В 1945 году, когда я вернулась в Ригу, первым делом побежала в нашу с Володей квартиру на ул. Матиса. Меня уже во дворе удивили ветром разбросанные заметки и записи шахматных партий мужа. Новые «хозяева» квартиры действовали по принципу завоевателей: бывший квартирант — «враг народа» — находится в заключении, все имущество после конфискации «перекупили» у государства. После долгого стука в дверь мне открыл мужчина в семейных трусах, дышащий перегаром. На мою просьбу несколько конкретных реликвий оставить на память о муже представитель «новой культуры» ответил: «Пропали во время последней пьянки!»

В том, что квартира разграблена, я убедилась и в Министерстве финансов, где на столе одного из начальников отдела заметила своеобразный комплект письменных принадлежностей, в свое время подаренный Петрову товарищами по обязанной военной службе за победу в Кемеровском турнире. В перечне проданных из квартиры вещей, предъявленном мне в министерстве, само собой, библиотека, холсты, рояль, кабинетный гарнитур и призы, завоеванные Петровым, упомянуты не были.

Последняя партия маэстро

Петрова арестовали 31 августа 1942 года и решением особого совещания 3 февраля 1943 года за антисоветскую агитацию и пропаганду осудили на 10 лет. Его забрали по доносу. Я узнала об этом из дела Петрова, которое в 1996 году удалось — таки заполучить в Москве. Не стала обнародовать имена стукачей, могу сказать лишь, что это три московских мастера, неоднократно игравших в чемпионатах СССР. Sapienti sat...

Москва, 1942 год. Последняя фотография гроссмейстера Владимира Михайловича Петрова. Ее после войны привез в Ригу какой-то московский шахматист и, не найдя меня, доверил мастеру Солманису. На словах Володя передал следующее: «Мне, чувствую, семьи уже не видать - пусть хоть с фотографией посмотрю на жену с дочкой...»

Всю оставшуюся жизнь я по всем существующим каналам (давала объявления, обращалась в лагеря и газеты) разыскивала того, кто был вместе с Петровым или встречался с ним на его крестном пути. Только в марте 1990 года благодаря содействию заведующего архивом журнала «Шахматы в СССР» Воронкова Сергея Борисовича удалось разыскать доктора искусствоведения Мирека Альфреда Мартыновича, который находился в одной камере с мужем на Лубянке. От него я узнала, что произошло с Петровым. Как волновалась я перед этой встречей, как хотела и как боялась узнать все то, что опять растеребит наболевшую душу, незаживающую рану.

Из книги «Записки заключенного» Альфреда Мирека.

Партия игры без правил

В камере на Лубянке менялись быстро. Это своего рода «сборный пункт» — одна из тех «распределительных камер», где происходила сортировка. Первые допросы, как бы «схода», — определяли дальнейшую судьбу арестованного.

На другой день, когда я пришел в себя и несколько приостыл, — стал присматриваться к окружающим. Почти каждый сидел или полулежал и дремал. Особенно те, у кого ночь была напряженная — поединок со следователем. Бодрствовал только один, расположившийся у открытого окошка, выходившего во двор. У него цветущий вид, хорошие передачи (остальные никаких передач не получали). Вызывали его редко и только днем, при мне один раз за все время. Вел он себя довольно нахально, с нескрываемым превосходством. Этакий балагур и «свой парень». Кого-то угощал, приближая к себе, располагая к разговору «по душам». Дядька, с виду рабочий—мастеровой, уже в возрасте, находившийся со мной рядом, кивнул на него с презрением и сказал: «Провокатор, подсадной». Я повернулся в его сторону, а он в этот момент нагло, с улыбкой спросил меня: «С чем пожаловали, молодой человек?» — и бросил мне сушку. Сушка скатилась на пол. Я отвернулся.

И в этот момент вошла очередная жертва отлова — именно отлова, так как он вошел налегке, как входят из соседней комнаты, — молодой, крепкий мужчина, среднего роста, по-спортивному собранный и организованный. Он был в темном костюме с расстегнутым воротником рубашки. (Вспоминаю — это, видимо, тот самый костюм в узенькую полосочку, который мы покупали в Лондоне, он был его так называемый парадно-выходной костюм, в котором он собирался играть на чемпионате. Где забрали его? где «выловили»? Одно время упорно ходили слухи и где-то даже была заметка, что Петрова во время партии вызвали из зала и обратно он больше не вернулся. В Казани на турнире он больше не участвовал, возможно, его взяли по дороге. — Г. М. Петрова—Матиса.) Никаких вещей, даже плаща и шляпы. Присел на свободное место и, повернув голову налево и направо, представился: «Петров, шахматист». Я в то время слышал о Ботвиннике, Алехине, Спасском, но о Петрове не слышал, и потому сама по себе эта фамилия на меня никакого впечатления не произвела. К тому же шахматы не были моей страстью, хотя что это, я знал.

Увидев новенького и опытным взглядом окинув его, камерный балагур понял: это его клиент. Тут же подойдя к Петрову, он представился инженером и, сказав что-то восторженное про шахматы, сгреб его к себе на нары. (В этой камере они были вроде

отдельных топчанов с деревянными щитами.) Достал шахматную доску, положил на доску две условные фигуры взамен недостающих и предложил сыграть. Общительный и спокойный Петров согласился сразу. Игра проходила как бы механически, мысли мастера были где-то далеко, а балагур-инженер все время задавал ему какие-то вопросы. Сыграв короткие 3–4 партии, которые выиграть ему было нетрудно, гроссмейстер — так стал называть его партнер — сел отдохнуть.

Был уже поздний вечер. Открылось окошко, вызвали двоих: одного из них Петрова, затем еще одного. Петров вернулся через два часа какой-то замороченный, усталый, подавленный. Черная короткая стрижка, и без того видно — давно нечесанная, теперь торчала в разные стороны.

Он сидел, чуть наклонив голову, стиснув ладони рук. Хорошо запомнился его глубокий сосредоточенный взгляд. В этот момент он, видно, хотел что-то понять, что-то проанализировать, но ему это никак не удавалось. Глупый человек от идиотизма и несправедливости вылетает из колеи, впадает в смятение, происходит взрыв эмоций, а умный — сосредотачивается и пытается понять: как, почему, зачем такое может происходить... Но, видно, осознать это было выше понимания самого изощренного ума, которому доступны сложнейшие шахматные комбинации.

Я свернул снятый комбинезон, подложил его под голову и заснул на полу. Меня пока не вызывали.

На другой день Петрова вызвали опять, но пораньше. Вернулся он в таком же состоянии, но лицо посерело. Чувствовалось, что он к тому же был очень голоден. При такой минимальной кормежке ему еще пришлось пропустить ужин (ложка каши и кипятка). В этих условиях я стал понимать, что такое накапливание ощущения постоянного голода, обостряемое каждый раз после минимального принятия пищи.

Сидя рядом с тем старым рабочим, с другой стороны которого находился я, Петров сам стал рассказывать ему о себе. Тот слушал молча, не приставая с расспросами, иногда тактично что-то спрашивая для поддержания беседы. По сути, разговаривали они, я же сидел рядом и слушал.

Оказывается, он был известнейший шахматист Латвии — гроссмейстер. В 1920–1939-е годы выступал на многих турнирах: в Париже, Гааге, еще где-то. После вхождения Латвии в СССР служил переводчиком в армии (знал несколько языков). Во время войны участвовал в турнирах в Свердловске, в Поволжье. В общем, следователь имел «бескрайнее поле деятельности», чтобы обвинить его не только по статье 58.10, но и в контактах с иностранцами, и в шпионаже в армии, и в чем хотите... При минимальной его фантазии хватило бы на десятерых.

Фотография из дела...

В этот вызов, как рассказывал Петров, следователь заострил внимание на его последних поездках в Латинскую Америку. Пересказывая фрагменты допроса, он упомянул Аргентину и Мексику. Следователь, кстати с Прибалтики, меня спрашивал:

— Так с кем у вас были встречи? И не думайте, так сказать, скрывать.

— С кем я там встречался и с какими результатами, хорошо известно из прессы. Что же тут скрывать и зачем.

Видно, Петров еще держался с достоинством и внутренним пренебрежением к тупоумию собеседника, считая, что это «частный случай», недоразумение, случившееся по недомыслию какого-то чиновника, получившего донос.

— Ну а с кем еще? — продолжал следователь.

— Со многими.

— Вот именно, со многими. Назовите их.

— Это что, всех поименно?

— Да, и не забудьте кого-нибудь пропустить, так сказать — «забыть». О чем вы с ними говорили, о чем их просили. Какие поручения они вам дали, так сказать, в дорогу? И что вы им, так сказать, обещали.

«Это постоянное, тупое «так сказать» в манере разговора следователя меня уже порядком начинало раздражать. Но я понимал — на это не следовало обращать внимания. Главное — понять, что он от меня хочет. И я стал ему объяснять, что мне не поручали, не давали, я ни у кого ничего не просил и просить не собирался, мне просто это не могло прийти в голову...»

Вот здесь Петров стал возмущаться и заводится. В данной обстановке чем человек честнее, порядочнее, тем ему особенно дико не только все это слушать, но и вообще участвовать в подобных абсурдных затеях.

Становилось понятным, что арестовали его с неделю назад, не в Москве, где-то в Поволжье. Поняв, что его везут в Москву, успокоился. Здесь, естественно, во всем разберутся, все прояснится. Он ждал встречи со столичным следователем, а потому был так спокоен в камере во время своего первого тюремного шахматного дебюта. И первое знакомство со следователем его ободрило — он оказался земляком. Правда, тут же, и с каждой минутой все более, стал убеждаться, что это типичная, самодовольная, продажная гнида... А дальше все труднее и труднее.

Вещей у него не было никаких, только то, что на нем. В затянувшейся паузе я спросил, откуда он, где его дом. Он ответил — в Риге. А все вещи свои он не видел с момента ареста — они исчезли. Исчезла и фотография жены с дочерью — оборвали последнюю ниточку, связывающую его с домом.

Время в стране было крайне напряженное, а здесь, в изоляции от всего мира, оно казалось преувеличенно-гнетуще-зловещим. В этой тюрьме хотя и редко, но все же выводили на прогулку. Маленький внутренний дворик со всех сторон окружен высокими стенами домов. Слева от входа в него на уровне второго этажа находился длинный балкон, на нем охрана.

В тот солнечный день нас вывели человек восемь-десять, и не успели мы пойти по кругу, как раздалась команда: «Повернуться к стене! Руки за голову!» Мы развернулись и встали шеренгой близко к стене. В дверь возле нас вошли вооруженные солдаты и зашагали к противоположной стене. Напряжение достигло большого накала, я уперся

взглядом в стену, не видя ее, сосредоточив внимание на том, что происходит за спиной. Боковым зрением я увидел справа и слева от меня каменные, напряженные лица. «Да, погуляли... в последний раз», — подумал я. «И надо же, в такой солнечный, тихий, теплый осенний день! А впрочем, осенний — это символично», — промелькнуло в голове, и эта мысль невольно отвлекла от окаменелого напряжения. В этот момент раздалась команда: «Руки за спину, по кругу — пошли!» Не успев прийти в себя, бессознательно, механически мы двинулись вдоль стен дворика. Оказалось, была смена охраны. А на другой день в камере я увидел у солидного мужчины, шедшего на прогулку впереди меня, посевевшие виски, стал он какой-то задумчивый и подавленный. Видимо, боком вышла ему эта прогулочка.

На той прогулке еще раз, и последний, видел я гроссмейстера Петрова. В этот же день вечером его вызвали, и он больше в эту камеру не вернулся — видно, за него принялись всерьез. За эти две недели он осунулся и стал реально ощущать свою обреченность...

Как потом я выяснила, мужа отправили в Бутырскую тюрьму и там его окончательно докатали. Пять месяцев пребывания на Лубянке и в Бутырке оказалось достаточным, чтобы его по дороге в Воркуту, смертельно больного, сняли с этапа в одном из пересылочных пунктов, где он и скончался.

Партия на Лубянке оказалась, очевидно, последней в жизни гроссмейстера. Вряд ли он смог еще сесть за любимую шахматную доску на своем оставшемся коротком жизненном пути. Затребованный мною документ обвинения Петрова гласит: «В основу обвинения вашего мужа положены факты высказывания им недовольства жизни в Прибалтийских республиках после присоединения к СССР».

Реабилитации не подлежит

В посмертной реабилитации прокуратурой Латв. ССР было дважды отказано. В 1959 году — мне, а затем в 1967 году — нашей дочери Марине Владимировне

Петровой-Дедковой. Отказ гласит: «Из материалов дела и проверки в 1959 г. видно, что за антисоветскую агитацию, которую проводил Петров В. М., он был арестован в 1942 г. И затем осужден в 1943 г. обоснованно и реабилитации не подлежит. Помощник прокурора Латв. ССР Чибисов». После этого дочь в знак протеста, обиды, возмущения выступает из комсомола, что повлекло за собой неприятности и осложнения в институте, где она училась и который ей так и не дали окончить. Не брали ее долгие годы и на работу, отказывая в открытии или под разными предлогами.

”

*Все приходилось
делать втайне.
Было какое-то
бесконечное
упорство, злоба.
Сцепив зубы
продолжала жить.
Будучи уже вторично
замужем, в Сибири
поиски Петрова
прекратила, знала,
что умер... Вся семья,
кроме меня, была
репрессирована,
я была связана
по рукам и ногам.*

”

В 1997 году мне удалось получить находящееся в Москве архивное дело Петрова. Через 56 лет ко мне вернулась та самая фотография с дочкой на руках, об изъятии которой при аресте муж так горевал... Получила и его последний снимок. Читала, перечитывала я это дело, и порой мне казалось, что ум за разум заходит. Обвинения были очень тяжелые, нелепые, и Петров их все категорически отрицал. Особенно меня расстроили ответы мужа на вопросы о его семейном положении и родственниках. Оказывается! Он состоял со мной в браке с 1937 г. по февраль 1941 г., когда развелся. Отец умер еще в довоенной Латвии. Сестра Наталья — эвакуирована в СССР и место ее пребывания неизвестно. Какая ерунда! Может, муж от допросов совсем рассудок потерял? После нескольких бессонных ночей, догадок и размышлений мне все стало ясно... «Ах ты бедненький! Нет, ты не сошел с ума, не потерял рассудок, ничего не перепутал, ты просто ограждал нас от себя, спасал нас всех!»

Каплей в море страдания, мук и жертв, захлестнувших страну, оказалась и жизнь Владимира Михайловича Петрова.

То, что случилось с его семьей, ставшей очередной жертвой кровавого режима, и какие муки ей пришлось пережить, так и не суждено было ему узнать. Хотя в этом судьба была к нему милостива.

Наверное, если бы Петров скончался от болезни или какого-либо другого случая, то столь долгие годы не было бы этой открытой раны, этой боли, но погибнуть по воле какой-то «тройки» и быть, как миллионы других жертв, затем признанным невиновным и полностью реабилитированным, — с этим смириться, конечно, трудно.

В конце 1988 года впервые Жданов на одной из лекций в Риге упомянул имя Петрова как очень сильного шахматиста, который оставил след в развитии шахмат в Латвии. Проанализировал его партии. Владимир Михайлович Петров еще не был реабилитирован. Меня на эту лекцию пригласил редактор журнала «Шахматы» латвийский мастер Николай Журавлев. Я в первый раз после стольких лет услышала дорогое мне и не забытое имя. И очень благодарна смелости Жданова. После лекции, по дороге домой, я даже расплакалась, было больно и обидно. И опять мучительно встал вопрос: «За что?»

На лекции я узнала, что брат Журавлева будто бы слышал, что Петров был на лесоповале в Перми, на него упало дерево и его придавило. Жив еще охранник, помнящий Петрова. Хотела ехать в Пермь. Начались поиски. Написала в ИТЛ письмо, не зная, существует ли еще такой, ответа так и не получила. От своей наивности до сих пор отделаться не могу. Очень скоро прошел слух, что Петров отсидел свой срок 10 лет, освободился и накануне отъезда в Ригу умер от инфаркта.

Я ни на минуту не допускаю, что он жив и не дает о себе знать, зная, как он любил семью. Но опять проверяла, узнавала, запрашивала. Можно было с ума сойти от всяких сведений, розысков.

Не знаю я, Володя, и вряд ли когда-нибудь узнаю, где Твоя могила. Засыпана ли она песками, покрыта ли льдами, а может, Ты и не «исправлялся» в архипелаге ГУЛАГ, а закончил свою жизнь в камерах-душегубках сталинских тюрем. Пусть эта книга — воспоминания о Тебе — будет памятником, будет цветами, которые возлагаю на Твою безымянную могилу.

Мир праху Твоему, дорогой Володя. Пусть горит и не меркнет твоя яркая шахматная звезда!

А мы снова вместе

Много страданий, голода, холода пришлось испытать и моим родителям. Разве словами можно все высказать и описать? Человеческий язык слишком беден для этого.

Доктор отсидел свой срок в Ветлаге, чудом выжил и был выслан на поселение в Красноярский край. Мать прошла тяжелейший путь на Дальнем Севере. Работала рыбаком, голодала, замерзала, выполняла непосильный труд, искупая свои «грехи» перед государством. Наконец ей удалось соединиться с мужем и после долгих хлопот вернуться ко мне в Латвию в конце 1947 года. Приехали,

конечно, голые, босые, до неузнаваемости постаревшие, с подорванным здоровьем. У доктора открылась язва желудка, от которой он очень страдал.

Жизнь надо было начинать сначала. Но мы после долгой мучительной разлуки были вместе и бесконечно счастливы. Николай Васильевич получил место врача в Тукумсе. Была у них маленькая однокомнатная квартирка в больничном доме, и мама вся ушла в ее обустройство. Она все что-то прибавала, шила, что-то мастерила. Вся она светилась от радости. Особенно большое удовольствие ей доставлял базар. Любила она ходить рассматривать продукты, которых была так долго лишена, прицениваться, даже ничего не покупая. Средства у нас были довольно ограничены, а нужно было обзавестись всем необходимым.

Я работала в Риге преподавателем в университете, а дочурка опять была с бабушкой и мамой, которые ее бесконечно любили и окружили вниманием, заботой и лаской, которые я из-за своей занятости ей дать все эти годы не могла.

Вторая высылка

Но наше счастье длилось недолго. Наступил 1949 год, оказавшийся роковым для многих тысяч жителей многострадальной Латвии. Опять последовали аресты и высылки. Если в 41-м году надо было уничтожить интеллигенцию, опустошить город, то теперь дамоклов меч был занесен главным образом над сельскими жителями.

***Наша дочь - Марина
Владимировна Петрова
у квартиры в Стройконторе.
Канск, весна 1955 года..***

Надо было опустошить, разорить деревню, выкорчевать все крестьянство, ликвидировать хозяйства. Говорили, что высылают из Латвии кулаков. Только какие кулаки остались после установления в республике советской власти?! Зажиточных хозяев всех уже выслали в 1941-м, имущество национализировали, крестьян давно загнали в колхозы.

Репрессии коснулись и тех, кто посмел выжить в лагерях и ссылках. Они наперекор всему выстояли. Их не удалось сломить, уничтожить, они вновь работают, и с этим власти, видно, смириться не смогли.

Это было 13 января (по старому стилю Новый год). Радостная, нагруженная сетками и сумками с продуктами, еду я «к своим» в Тукумс, предвкушая вкусные пельмени, которые мама обещала приготовить и пригласила в гости друзей. Хлопочем на кухне, я накрываю на стол. Резкий звонок и стук в дверь заставили меня вздрогнуть. Что-то гости рано пришли — мелькнуло в голове. Побежала открывать. Передо мной стояли трое в синих фуражках. Вежливо спросили — тут ли живет доктор и дома ли он. Как и в том 1941 году, он был в больнице. Послали за ним, пошли в кухню к маме. Привели доктора, сказали, чтобы собирались в дорогу. Помню фразу, брошенную одним из пришедших: «Что ж, доктор, плохи ваши дела, придется опять поехать». Мне показалось, что эти здоровые, молодые, подтянутые парни с жалостью смотрели на маленького сгорбленного старика в белом халате, забывшего снять его после операции в больнице. Не такого они представляли увидеть перед собой «врага народа». А дальше повторилось все как тогда. Дали время на сборы. Правда, обыск не производили и собираться не торопили. Сидели молча, курили. Чтобы уложить незатейливый, скудный багаж, много времени не потребовалось, но укладывать было не во что. Мама растерялась и стала запихивать вещи в одеяло. В это время пришел наш приятель. Ему разрешили сбежать домой за санками и помочь все запаковать. Я ничего делать не могла, стояла, окаменевшая, в углу, крепко прижав к себе дочь. Одна только мысль сверлила мозг: «Неужели и Марину возьмут? Не дам, не дам, ни за что! Полезут — убью». Но дочери на этот раз в списке не было. На душе отлегло. Что осталось еще в памяти от этого дня? Пожалуй, больше ничего. Поразило только спокойствие родителей, ни слез, ни душераздирающего прощания. Какая-то полная покорность всему, неизбежность происшедшего.

Бедных моих стариков увели. Мешок с вещами погрузили на саночки — ни грузовика, ни черного воронка не было, идти было в управление МВД, как сказали, недалеко. Приятель повез саночки. Я не сдвинулась с места, еле уложив перепуганную дочку спать, так всю ночь и просидела, поджав ноги, на диване. Не было ни мыслей, ни чувств, ни слез. Полное оупение, пустота, какое-то полное безразличие. Наутро бросилась в управление МВД. Но родителей там уже не было, отправили в Ригу. Начались поиски в Риге — МВД, КГБ, тюрьма... Не помню, где и кто сказал, что на станции Шкиротава находится пересылочный пункт и оттуда будет отправлен очередной эшелон.

Много раз потом я искала то место напротив станции, но так и не удалось установить, все перестроено — следов не осталось. В пересылочном пункте я разыскала родителей. Подала заявление о свидании и возможности передать теплые вещи и продукты.

Свидание мне дали в проходной будке. От спокойствия и выдержанности родителей не осталось и следа. Теперь были и слезы, и отчаяние, и боль расставания. Я дала им слово, что приеду, как только узнаю, где они. Мама, конечно, категорически протестовала, просила этого не делать. Потом их увели...

Какого числа это было — не помню. Знаю, что стоял сильный мороз. Вечерело.

У охраны спросила, когда отправка, ответили — утром. Стала ждать, но за несколько часов так замерзла, что решила забежать к ближайшим знакомым обогреться и хоть немного прийти в себя. Но когда я вернулась на станцию — эшелон уже был отправлен. Меня обманули... Так и на этот раз я не проводила в крестный путь моих родных.

***Мой второй муж Анатолий Георгиевич
Матис, старшая дочь Марина, я и уже
неизлечимо больная мамуля Александра
Христофоровна. Рига, 1963 год.***

«Покорение» Сибири

Не так давно на станции Шкиротава установлен камень-памятник, чтобы не было забыто то место и время, когда вновь тысячи жителей Латвии были отправлены на муки и страдания. Многим из них не суждено было вернуться на Родину. Как насмешку, как издевательство, как святотатство я воспринимала слова песни: «...Я другой такой страны не знаю, где так вольно жил бы человек». После вывоза родителей немало сил потребовалось, чтобы дальше жить, работать, существовать. Это было как пребывание в каком-то страшном сне-кошмаре. Много раз потом вспоминались слова Ахматовой:

«...У меня сегодня много дела:

Надо память до конца убить,

Надо, чтоб душа окаменела,

Надо снова научиться жить»...

С каждым днем крепло решение все бросить в Риге и уехать к родителям. Но надо было дожидаться весточки от них, молила Бога каждый день, чтобы отца и мать не разъединили. Стала обдумывать отъезд, предпринимать необходимые шаги.

Вскоре все решилось само собой. Меня вызвали в спецчасть университета, где объявили, что так как мои родители репрессированы и я это скрyla, то больше

в университете я работать не имею права. По всей вероятности, я должна была спешно бежать к ним и с радостью сообщить о случившемся. Правда, мне великодушно разрешили уволиться «по собственному желанию». У меня как гора с плеч — я свободна! Прощай, Рига! Колебаний не было...

Никакие доводы, уговоры друзей, предостережения не помогали. Я просто затыкала уши и отказывалась кого-либо и что-либо слушать. За это время пришло сообщение от родителей, что они оба, вместе, находятся на поселении в Красноярском крае, в таежном селе Абан Дзержинского района. Я действовала как в лихорадке. Прибавились силы и энергия. Конечно, многое я не учла, многое сделала необдуманно. В чем потом убедилась не раз. Мне даже в голову не пришло что-то сделать со своей квартирой: обменять, продать, как-то за собой ее закрепить. Взяла свои чемоданы, оставшуюся мебель попросила друзей продать и поехала с дочерью «покорять» Сибирь. Я была еще молода, очень самонадеянна, полагаясь на свои силы, на свое образование... Конечно, я не пропаду!

На вокзале меня провожало очень много друзей и знакомых. Многие плакали, а мне было даже весело и на душе легко, как будто ехала в развлекательное путешествие. О молодость! Родителям о своем приезде не сообщила, чтобы не было лишних отговариваний и предостережений. Свалилась как снег на голову. Было это в июне 1949 года. Село Абан находится в 80 км от города Канска, через который проходит Дальневосточная железная дорога. Ссылным не полагалось жить ближе.

Радость встречи описывать не буду. Опять мы были вместе, опять счастливы. Купила я им избушку из двух комнат, провела вместе все лето, деньги все были истрачены, работы в селе для меня не нашлось, и я, оставив у дедушки с бабушкой дочурку, уехала искать «счастья» в Канск. Вот тут-то и начались мытарства, и дало о себе знать все то, что я не учла, не предвидела, не обдумала. К новой жизни я была совершенно не подготовлена. Надвигалась зима, а у меня не было ни ватенок, ни теплой шапки, ни одежды, необходимой для сибирских морозов. С собой из теплых вещей были взяты легкая котиковая шубка да сапожки на 7-сантиметровых каблучках.

Когда пошли осенние дожди, оказалось, что крыша над моей комнатой в снятой избе протекала. Приходилось ставить в ногах таз и каждые полчаса выливать собравшуюся воду в форточку. Тогда мне в голову «ворвалась» фраза, которую я повторяла в трудных ситуациях всю оставшуюся жизнь: «Держись, хоть за воздух,

”

*Я больше не боюсь
свободно и искренне
выразить свое мнение
по политическому
вопросу или действию
правительства.
Почему боятся
и не делают этого
мои подруги? В нашем
возрасте и после
всёго пережитого уже
ничего не страшно.
Часто отвечают —
нас политика
не интересует...
Представители
«недобитой»
советским режимом
русской
интеллигенции.*

”

но держись!» Все это приводило в отчаяние, а больше всего то, что я не могла устроиться на работу по специальности. И в техникумах, и в школах нужны были преподаватели, тем более что я владела языками, но как дело доходило до кадровой анкеты — то под разными предложениями мне отказывали. Вначале я думала скрыть, что родители ссыльные, — но руководство пугало даже не это, а мои рижские дипломы и вся жизнь, проведенная в Латвии, да еще в период немецкой оккупации. Приходилось в открытую все объяснять — что я не просто так из Риги приехала в Сибирь, и даже не из-за любви к этому красивому краю.

Потеряв всякую надежду устроиться преподавателем, я решила использовать в борьбе за существование музыку и балетную студию, в которой занималась в молодости. Где я только не работала! И танцы преподавала, и художественным руководителем была в трудовой колонии, и в кино играла между сеансами, и хормейстером в клубе работала. Знаний не хватало, приходилось многому учиться на ходу. Наконец устроилась музработником в нескольких детсадах, а когда открыли музыкальную школу, стала вести класс фортепиано и музлитературы.

Неожиданно в Канск приехал журналист за фотографиями Петрова. Всюду с собой носила, возила альбом, шкатулку с янтарными шахматами и два кубка (один — за красивейшую партию в Кемери). Брала с собой каждый раз в бомбоубежище во время войны. Журналисту я ничего не дала. Это единственное, что осталось у меня от шахматной жизни Володи.

С «ЧИСТЫМ» ПАСПОРТОМ — НА ТОТ СВЕТ

Жизнь постепенно стала налаживаться. Тяготила разлука с родителями, но только после смерти Сталина им разрешили переехать ко мне в Канск. Так прошли, пролетели 10 лет в Сибири! Доктору не дали ни одного дня работать. За это время я вышла замуж за Матиса Анатолия Георгиевича, студента архитектурного факультета ЛУ, который был депортирован из Риги вместе с матерью и сестрой 14 июня 1941 года. Некоторое время он был вместе с моей матерью на Дальнем Севере. Его отец скончался в Соликамском лагере в 1942 году. Судьба нас свела в Канске, где и родилась наша дочь Маргарита. О жизни в Сибири писать не буду. Она не очень отличалась от жизни ссыльных. Разница состояла только, может быть, в том, что я была свободной гражданкой среди всех окружающих «рабов» — ссыльных, своего рода белой вороной, хотя никакой разницы в своем социальном положении я не ощущала. На меня смотрели как на находящуюся на спецпоселении, как на «инакомыслящую», выражаясь сегодняшним языком. Легче стало только после смерти тирана — Сталина.

В годы оттепели добились реабилитации доктора. Помню этот день 1957 года. Пошел он получать паспорт свободного гражданина. Пришел, положил его на стол и сказал: «Вот теперь с чистым паспортом можно и на тот свет ехать». Решили этот знаменательный день отметить. Мама пошла за покупками в ларек, а его через час не стало, не выдержало бедное, усталое сердце. Так с чистым паспортом доктора Любовикова Николая Васильевича и похоронили. Маму освободили из поселения только в 1959 году, и я ее, уже больную, привезла в Ригу. Вскоре она умерла, слава Богу, что похоронена на родной земле. На родной земле похоронена и моя

бедная дочурка — Мариночка, которую, видно, я не смогла уберечь и которую все же надломил сибирская жизнь.

О встречах в Сибири можно было бы написать целую книгу. Кого только там не было! И профессора, и врачи, и адвокаты, и артисты, и бывшие министры и их жены. Люди были различных национальностей: поволжские немцы, крымские татары, грузины, евреи, даже один японец военнопленный, бывший городским головой в Токио. Всех свела вместе, сдружила общая горькая судьба.

В Риге наша совместная жизнь с Матисом не сложилась. Наши пути разошлись...

Жалела ли я о своем поступке? Упреки дочери больно отзывались в сердце. Нет, не жалела, хотя были нередко и минуты слабости. Проливала втихомолку слезы. В такие моменты в голове крутилась песня Вертинского «Бал Господен», наверное потому, что привезла я с собой в Сибирь, не зная зачем, свое очень красивое вечернее платье, купленное в Париже.

...В этом городе сонном балов не бывало,

Даже не было просто приличных карет.

Шли года, Вы поблекли, и платье увяло,

Ваше дивное платье — *mezon la'balet*.

Вот и скрасила жизнь родителей...

В Канске накануне отъезда в Латвию вызвали в МВД. Показывали фотографии незнакомых мне людей. Между прочим, спросили, что за значок (Ломоносовской гимназии) на пиджаке у Володи. Удивительно, даже там, за тысячи километров от Риги, в каком-то моем или его деле оказалась ученическая фотография Петрова. Отдали, бросив: «Мертвые нас не интересуют». Это был 1959 год...

«Благослови же Господи нас на жизнь свободную!»

В заключение хочется поразмыслить вот над чем: стоит ли возвращаться к этому страшному прошлому, не пора ли забыть о событиях полувековой давности? Не раз мне приходилось на эту тему говорить с людьми, пережившими подобное и желающими все вычеркнуть из памяти, не будоражить раны, все забыть и жить сегодняшним днем. Возможно, они по-своему правы. Сколько раз я пыталась себя на этот лад перестроить, но не смогла. Жить осталось совсем немного, но сколько бы не осталось, я продолжаю себе и своим внукам повторять: «Живи и помни». Но помня о прошлом и глядя в будущее, мы непрестанно должны повторять: «Благослови же Господи нас на жизнь свободную!» Приходилось всю жизнь ощущать на себе постулат римского права — «Раб, рожденный от раба, есть раб». Это, видно, восприняло наше демократическое, свободное государство.

И еще одно: В эти годы непоколебимо и определенно сложилось мое мировоззрение, мое отношение к существующему строю. В душе с каждым днем все ярче возникал протест против беззакония, попирания прав человека, против социального произвола и несправедливости, творящихся в обществе. Появилось желание борьбы. За это я тоже благодарна своим сибирским годам. Много, много лет позже эти зародившиеся на сибирской почве ростки привели меня к идеалам академика и правозащитника Андрея Дмитриевича Сахарова. Я удостоилась знакомства с ним, а его подаренный мне автограф храню как святыню...

Когда экс-чемпион Макс Эйве находился в Москве, а это было уже после войны, он стал интересоваться судьбой своего друга гроссмейстера Петрова. Когда? Где? За что? На что получил ответ чешского мастера К. Опоченского: «Если русские такого крупного гроссмейстера посадили в тюрьму, то всем ясно, что на душе Петрова все же был какой-то грех». На это Эйве резко ответил: «Мне кажется, что единственный грех Петрова — это его принадлежность к латышскому народу!»

Содержание:

Предисловие	3
«Гори, гори, моя звезда...»	6
«Первая любовь»	7
Новое увлечение, ставшее главным в жизни	8
Везет как Петьке!	12
Предсказания, в которые не хотелось верить	14
Самая большая атака	15
Культурные игры вдвоем	16
Наивные детские шутки	17
Отчий дом	19
Противоречивая натура	20
«Самовыражение», которое мне так и не далось	22
Первая встреча с шахматистами	23
Дама с собачкой	25
Маскотта — Галчонок	28
Разговор о Москве	29
Кумир на всю жизнь	30
Успех, которого никто не ждал	32
Свершилось, по Европе вдвоем!	34
Любви язык не нужен	39
Мечты о поездках просто так	40
Буэнос-Айрес — последняя олимпиада Петрова	41
Кому нужен хлопок	43
Лишний чемодан	44
Недолгая счастливая жизнь	45
Вечная память тебе, дядя Герман!	47
Показуха длиною в век	48
«Не отрываясь от производства»	50
Он уезжает навсегда... ..	51
Первая высылка	53
Турниры военного времени	55
Руша стену забвения	57
Последняя партия маэстро	58
Реабилитации не подлежит	62
А мы снова вместе	64
Вторая высылка	64
«Покорение» Сибири	66
С «чистым» паспортом — на тот свет	68
«Благослови же Господи нас на жизнь свободную!»	69

Галина Петрова-Матиса

«Звезда, погасшая до срока» – Рига, 2008. 72 стр.

Эта книга – воспоминания вдовы известнейшего шахматиста довоенной Латвии гроссмейстера Владимира Михайловича Петрова. Они не только о трагической судьбе мужа и всех членов их семьи, попавших в жернова сталинских репрессий, но и о счастливом времени недолгой совместной жизни и незабываемых встречах с шахматистами тех лет.

Редактор – Анатолий Буйлов.

Верстка – Владимир Дедков.

Оформление обложки – Дмитрий Чернобаев, Аркадий Юшечкин.

Корректор – Регина Амбарцумян.

(Со). В. Дедков, О. Сорокина.

Подписано к печати -

Формат 70х100 1/32. Бумага офсетная, печать офсетная. Усл.печ.л. 3. Заказ №..... Цена договорная.

ISBN ??????????.

Отпечатано в типографии «Петровскис и Ко».